Владимир Василенко

Пленники Аксиса

Амальгама

Владимир Василенко

Пленники Аксиса

«Автор»

2022

Василенко В.

Пленники Аксиса / В. Василенко — «Автор», 2022 — (Амальгама)

После вылазки в Лабиринт Ян возвращается на Аксис. Теперь окончательно ясно, кто настоящий враг, но чтобы победить его, предстоит сделать очень многое. Да и сам культ Красной руки не сидит на месте. Кажется, над родиной арранов сгущается буря, которая может стать последней.

© Василенко В., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Интерлюдия. Крысиный замок 5
Глава 1 13
Глава 2 21
Глава 3 27
Глава 4 37
Глава 5 43
Глава 6 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Владимир Василенко
Пленники Аксиса

Интерлюдия. Крысиный замок

Говорят, когда-то у Крысиного замка было другое, официальное название, но сейчас его уже мало кто помнит. Как и о тех временах, когда местный гарнизон состоял из настоящих солдат, а не из отребья, сплавляемого сюда обоими Великими Домами.

И уж точно никто не сможет сказать, кто явился сюда раньше – люди или крысы.

С одной стороны, в окрестных пустошах эти хвостатые облезлые твари не редкость. И скала, на которой стоит замок, похожа на кусок ноздреватого сыра – в ней столько пещер и ходов, что грызунам есть, где плодиться. Однако они точно не водились бы здесь в таких количествах, если бы остров на развилке каньона Наксос не превратился в огромную перевалочную базу на пути от Пасти к анклавам. Со складами, постоялыми дворами, стоянками для повозок. Здесь всегда есть, чем поживиться.

С тех пор здесь и идёт война. Тихая, бесславная, но беспощадная и полная своих маленьких побед и поражений.

– Ар-р-гх, трогонье отродье! – прорычал Надир, приподнимая мешок и торопливо зажимая прореху в нем. Но фасоль шуршащей струйкой просочилась из другой дыры, дробно застучала по дощатому полу. – Опять пробрались. Хряк меня убьёт!

Он окинул взглядом стены, сплошь обитые железной сеткой. Явных прорех не было видно, но это ни о чем не говорило. Подлые твари все-таки где-то прогрызли лазейку. Надо найти её и заделать как можно быстрее. Вот только когда этим заниматься, когда в корчме такой наплыв посетителей?

Надир торопливо пересыпал остатки фасоли в таз. Скомкав прогрызенный мешок, спрятал его на нижних полках и заторопился прочь из погреба, едва не спотыкаясь на скрипучих ступенях.

На кухне воздух был густой и влажный, как суп, и наполненный смесью десятков запахов, далеко не всегда приятных. Банхин по прозвищу Хряк, как всегда, голый по пояс и блестящий от пота, орудовал у разделочного стола, кромсая остатки туши небольшого животного. Хрящи и мелкие кости хрустели под его тесаком, складки жира на боках тряслись при движении, как переполненные бурдюки. По спине, будто побеги Скверны, змеились застарелые сморщенные рубцы от страшного ожога.

Надир постарался прокрасться в угол кухни незаметно, но это было заранее обречено на провал – у Хряка был нереально острый слух. За время работы в «Оловянном котелке» юноша убедился, что хозяин всегда в курсе того, что происходит в любом закоулке его заведения. Как ему это удаётся – загадка.

– Ну, ты где там шляешься, крысёныш тощий? – рявкнул повар, не оборачиваясь.

– Да я… Фасоли принёс, на похлебку. Сейчас промою и…

– Бросай тут, я сам займусь. А ты вон, поднос в зубы и тащи в угловую каморку. Да не расплескай! Три талана проси.

Надир окинув взглядом скудную снедь на подносе – несколько поджаренных на шампуре кусочков мяса, комок слипшейся серой каши со шкварками, кувшин пива. Всё это стоило от силы два с четвертью. Посетитель наверняка возмутится, так что придётся торговаться…

Юноша едва сдержал горестный вздох. Он терпеть не мог собачиться с посетителями, тем более что многие из них были теми ещё головорезами. Настоять на своём у него получалось редко, приходилось сбрасывать цену, а потом получать затрещины уже от Хряка.

Вспомнив, кто расположился за столом в угловой каморке, он и вовсе едва не взвыл в голос. Он уже уносил туда кувшин пива, и заказывала его одинокая мрачная наёмница со шрамом на щеке. От одного взгляда этой стервы недолго было и штаны обмочить. К тому же она не выпускала из рук клинка, играючи крутя им или постукивая острием между пальцами, положив ладонь на столешницу. Нож был кривой, острый, похожий на птичий коготь. Такими не хлеб режут, а глотки.

Впрочем, за пиво она в прошлый раз расплатилась, небрежно бросив на стол полновесный серебряный талан и даже не спросив про сдачу. Похоже, при деньгах. Может, и торговаться не станет.

Зал «Котелка» был похож на пещеру, которой, собственно, и являлся. Вся корчма располагалась в подземельях Крысиного замка и связывалась с поверхностью только коридорами и вентиляционными шахтами. Окон не было вовсе. Тусклые примитивные светильники, подвешенные на цепях над столами, отбрасывали пучки света строго вниз, будто лейки. Сверху они были прикрыты конусовидными жестяными кожухами, что ещё больше усиливало сходство. Посетители ютились в основном вокруг этих пятен желтого колышущегося света, но многие предпочитали держаться в тени. Некоторые и вовсе забивались в углы, маяча едва различимыми силуэтами.

Радиумных светильников было всего несколько, да и то кристаллы в них были уже настолько тусклыми, что уступали даже обычным керосинным лампадам. Вывешены они были гроздью рядом с входом – чтобы хорошо было видно грубо намалеванную вывеску и каждого входящего.

В этом пятне голубоватого пульсирующего света сейчас застыл новый посетитель. Похоже, впервые здесь – остановился, настороженно оглядывая зал.

– Добро пожаловать в «Оловянный котелок», доминус… – поклонился Надир, замедляя шаг.

Хоть заведение их и представляло собой жуткую дыру, в которую спускались обычно только всякие оборванцы и весьма мутные личности, каждого посетителя нужно было величать «господином». Впрочем, Надир быстро понял, что ошибся – его смутил мешковатый плащ с глубоким капюшоном, окутывающий фигуру гостя до самих пят.

– … то есть, простите, мона. Есть места у стойки, есть общие столы и, возможно, пока свободна одна из отдельных каморок. Но отдельный стол стоит на три лепты дороже.

– Я… осмотрюсь. Ищу кое-кого, – не глядя на него, холодно ответила девушка и досадливо поморщилась – похоже оттого, что их небольшой разговор привлек внимание компании, сидящей за ближайшим к входу столом.

Надир ещё раз поклонился – на этот раз гораздо ниже и полностью остановившись. Что-то в этой гостье – голос, осанка, манера вести себя – заставило его инстинктивно съежиться.

Высокородная?! Здесь, в «Котелке»? Хотя, чего только не насмотришься в год Жатвы…

Юноша, так и не распрямляясь полностью, засеменил дальше, протискиваясь между близко поставленными столами в сторону дальнего края зала. А когда услышал за спиной голос Векса по прозвищу Хрипатый, и вовсе вжал голову в плечи.

– Эй, вы посмотрите, какая красотка! Заблудилась?

Векс со своей шайкой частенько ошивался в «Котелке». Обычно он промышлял в окрестностях Крысиного замка, подвизаясь охраной караванов или выступая проводником в земли номадов. Хотя, по слухам, не брезговал и откровенным грабежом и работорговлей. Но в любом случае, дела у него шли так себе, иначе бы он просаживал свои немногочисленные гроши в более приличном заведении.

Он и Хряку-то давно задолжал с полсотни таланов, но вроде как часть еды и выпивки получал бесплатно в обмен на охрану заведения. Хотя охраной это назвать было сложно. На памяти Надира люди Векса разве что несколько раз вышвыривали из «Котелка» пьяных

дебоширов. Но в случае серьёзной заварушки на них особой надежды не было. Это не сторожевые псы. Скорее уж стая ободранных отощавших гиен.

– Ну чего молчишь, сладкая? Испугалась?

Надир обернулся. Люди Векса уже окружили гостью, плотоядно скалясь. Учитывая, что они только недавно вернулись из очередного рейда, смотрелись они не лучше номадов – грязные, исхудавшие, в пропотевших насквозь обносках. На контрасте с ними девушка выглядела беззащитной овечкой, окруженной стаей бродячих псов. От этого зрелища у Надира сердце сжалось. Но этим головорезам разве что-то скажешь поперёк?

К его удивлению, сама жертва вела себя спокойно, а на обступивший её сброд обращала внимания не больше, чем на назойливых мух, продолжая поверх их голов настороженно оглядывать зал.

Кого она высматривает?

Всё резко изменилось, стоило одному из оборванцев схватить девушку за руку. Надир не разглядел толком, что произошло – движение гостьи было слишком резким и неожиданным. Бандита снесло в сторону, будто взрывом, и он с размаху впечатался спиной в деревянный столб, подпирающий потолок. Второму прихвостню Векса, сунувшемуся к ней, гостья заломила руку так, что тот завизжал, как резаный.

Остальные поначалу опешили от такого решительного отпора, но почти сразу удивление сменилось яростными выкриками. Векс выхватил из-за пояса свою знаменитую дубинку из цельного мосла колгара, у кого-то из его приспешников блеснул в руках нож. Не сговариваясь, но дружно, будто пальцы, сжимающиеся в кулак, они бросились на гостью…

И тут же снова отлетели назад, опрокидывая лавки и роняя посуду со столов.

Из правого рукава девушки с резким лязгом вырвался блестящий клинок. При этом левой рукой та вцепилась в горло одного из нападавших и легко, будто мешок с опилками, приподняла его над полом. От резких движений капюшон спал с её головы, открыв взгляду коротко остриженные светлые волосы, гладкую кожу и необычного цвета глаза – бирюзовые, а в свете радиумных фонарей ещё и странно бликующие, как у кошки.

Впрочем, долго любоваться на лицо гостьи не пришлось – откуда-то из-за спины и от воротника к нему скользнули блестящие золотистые детали, быстро сложившиеся в глухой и гладкий, как яйцо, шлем. Из-под рукавов накидки виднелись детали такой же брони.

– Жнец?! Это Жнец! – пронеслась по залу «Котелка» волна изумленных и испуганных возгласов.

Появление воительницы в доспехах древних произвело странный эффект. Кто-то просто застыл в изумлении, кто-то забился под столы и лавки. Несколько посетителей и вовсе рванули напролом к выходу, несмотря на то, что пришлось пробежать буквально в нескольких шагах от потасовки. Это выдавало в них новичков – завсегдатаи «Котелка» знали о двух других выходах, через кухню и через кладовку слева от главного входа. Кроме того, были и два потайных лаза, но о них было известно только персоналу и самым доверенным посетителям.

Жница отшвырнула бандита, которого держала за шею – брезгливо, будто мусор. Лицо ее было скрыто глухим гладким забралом, но даже по жестам было заметно, что весь этот переполох её жутко раздражает. Она явно хотела пробраться в «Котелок» тихо и скрытно, но Векс с дружками всё испортили.

Надир поначалу застыл на месте, крепче вцепившись в поднос с едой. В поднявшейся суматохе его чудом не смели. Впрочем, он не рассчитывал, что ему и дальше будет так везти, так что, пригнувшись, засеменил в дальний конец зала. Ему всё равно нужно было унести этот заказ в угловую комнату, а та сейчас, пожалуй, была самым тихим местом в таверне.

Он был уже в двух шагах от закрытого плотной занавеской проема, ведущего в комнату, когда его сшибли с ног. Та самая бандитка, что ждала своего заказа, выскользнула из каморки и бросилась прочь, и Надир некстати встал на её пути.

Кувшин с пивом опрокинулся, залив штаны Надира так, что со стороны выглядело, будто он обмочился. Сам юноша, больно ударившись локтем о край стола, грохнулся на пол, осколки посуды разлетелись далеко в стороны. Бандитка, едва не наступив на него, метнулась дальше, стараясь держаться слабоосвещенных участков. Судя по всему, стремилась тоже выскочить наружу через главный вход, минуя жницу, пока та отвлеклась на ребят Векса.

– Стоять! – рявкнула Жница.

На других посетителей, спешно покидающих «Котелок», она не обращала внимания, но в эту стерву со шрамом сразу вцепилась, как бойцовый пёс. Похоже, именно её и выслеживала.

В ответ бандитка грязно выругалась и попыталась всё же рывком проскочить к выходу, но Жница преградила ей путь. Громко зазвенели клинки, сталкиваясь друг с другом в бешеной схватке. Пару раз кинжалы бандитки со скрежетом проехались по доспехам древних, высекая крохотные яркие искры. Дралась она яростно, вереща при этом, как дикая кошка. Надир следил за этой схваткой, вытаращив глаза и даже не пытаясь подняться с пола. Немногочисленные оставшиеся в зале посетители жались к стенам, потому что дерущиеся разошлись не на шутку – швырялись друг в друга лавками, опрокидывали столы.

Жница, несмотря на кажущуюся хрупкость, была сильна, как бык, а золотистые доспехи её казались непрошибаемыми. Бандитка, быстро сообразив, что кинжалами их не пробьёшь, пыталась отвлечь противницу, швыряя в неё всё, что попадалось под руку – от посуды до масляных светильников. Один из них разбился, и разлитое масло тут же вспыхнуло. Надир, опомнившись, метнулся к кухне за водой. В дверях столкнулся с Хряком, который выбежал посмотреть, что за переполох в зале. В ручище у того блестел тесак для разделки мяса.

Хозяин заведения был далеко не красавцем – огромная заплывшая жиром туша, лысый череп с торчащими заострёнными ушами, вздернутый распухший нос, не умещающиеся во рту клыки. Собственно, прозвище Хряк было очень метким. При этом постоянные посетители заведения прекрасно знали и о его дурном нраве, а потому старались не злить здоровяка. Если уж он вышел в зал – то значит, дело совсем труба.

– Трогонье дерьмо!! – с ходу заорал он. – Вы что тут устроили? А ну вон из моего трактира!

Как раз в этот момент бандитка с размаху долбанула Жницу лавкой, но та ударила навстречу, и доска с громким хрустом переломилась. Сама нападавшая потеряла равновесие, и высокородная, воспользовавшись этим, ринулась к ней и свалила мощным ударом кулака. Звук был такой, будто по лицу ударили кастетом.

Разбойница повалилась навзничь на один столов, разбрасывая остатки посуды и, кажется, потеряла сознание.

– Я кому сказал – вон отсюда! – прорычал Хряк и хотел добавить пару крепких выражений, но осёкся, когда незваная гостья резко повернула голову в его сторону.

Забрало её шлема трансформировалось, открывая лицо, застывшее в маске холодного гнева. Бирюзовые глаза с заметной серебристой окаёмкой вокруг радужки, казалось, светились изнутри.

– Ты не видишь, с кем говоришь? – холодно процедила Жница.

Хряк засопел, набычился, и не думая отвешивать перед высокородной полагающийся поклон. Зыркнув на попавшего в поле зрения Надира, снова выругался.

– Ну, чего встал?! Ждёшь, пока весь «Котелок» загорится? Быстро туши!

Юноша, судорожно сглотнув, кивнул и бросился за ведром.

– Властью, данной мне Великим Домом Ортос, я арестовываю эту преступницу, известную как Хестия Потрошительница, – сказала во всеуслышание Жница, поднимая бандитку за шкирку левой рукой.

– Дело твоё. Но кто заплатит за ущерб? – проворчал Хряк, впрочем, уже куда более почтительным тоном.

Жница, приостановившись, выудила откуда-то монету и бросила её по высокой дуге. Хряк поймал её на лету и, разглядев, судорожно хмыкнул, а потом крепко сжал в кулаке.

– Думаю, этого хватит с лихвой, – сказал гостья. – А теперь – выгони отсюда всех посторонних. Мне нужно допросить преступницу.

С этими словами она поволокла вяло сопротивляющуюся добычу в сторону одной из комнат в конце зала.

* * *

Хестия пришла в себя от того, что ей плеснули в лицо водой. Поморщилась, сплевывая в сторону. Раздраженно повела плечами, пробуя на прочность наручники, сковывающие её запястья за спиной. Браслеты были широкие, крепкие, а при попытке рассоединить их тело прожгло ощутимым электрическим разрядом. Разбойница тут же обмякла и перестала дёргаться.

Знаменитые «Усмирители» Жнецов. Из них не вырвешься.

Щурясь от света лампы, она подняла взгляд и криво усмехнулась.

– Ну, здравствуй, сладкая. Эх, надо было тебя прирезать ещё там, в Пасти. Когда был шанс.

Регина тоже натянуто, одними губами, улыбнулась, продолжая пристально рассматривать арестованную. Та вела себя спокойно, только время от времени кривилась от боли – на левой скуле у неё наливался обширный синяк.

– Где он? – наконец, спросила Регина, подавшись вперед и выкладывая руки на стол.

На месте правой кисти у неё всё еще был протез из золоченого металла, и он тяжело брякнулся о столешницу. Хестия скосила на него взгляд и снова невольно дёрнула щекой.

– Кто? – раздраженно отозвалась она.

– Ты прекрасно знаешь, о ком я. Тот гелот, что украл Свет зари.

Хестия вытаращила на неё глаза, а потом искренне расхохоталась. Правда, смех быстро прервался шипением и гримасой боли от разбитой скулы.

– Да ты, я смотрю, никак не уймешься? Всё ещё надеешься вернуть свою игрушку?

– Где он? – холодно повторила Жница.

С тех пор, как они виделись в прошлый раз, дочь Данакта Ортоса будто бы постарела лет на пять – черты лица заострились, стали тверже, между бровями залегла морщинка. Вряд ли это было связано с ранами – амальгама уже давно всё вылечила. Однако пережитое в Пасти точно не прошло для девушки бесследно.

– Да понятия не имею! – фыркнула разбойница. – С чего ты вообще взяла, что я знаю об этом?

– Не юли! Вы оба работали на Дом Мэй…

– И что с того? Я просто наёмница. А того гелота впервые встретила там же, где и ты.

– А где ты видела его в последний раз?

Хестия лишь издевательски усмехнулась. На скулах Регины явственно проступили желваки, но она продолжала сохранять ледяное спокойствие. В крохотной полутёмной каморке надолго воцарилась тишина.

– Ну, хорошо… Чего ты хочешь?

Разбойница, кажется, откровенно удивилась этому вопросу.

– Чего я хочу? Ну, для начала – чтобы ты сняла с меня эти гребаные наручники.

– Хорошо. Если расскажешь, как найти Яна.

Хестия недоверчиво скривилась.

– Ты серьёзно?

Регина продолжала молчать, и разбойница, уже откровенно веселясь, разглядывала её исподлобья.

– Подожди-ка, подожди-ка… А твой папуля вообще знает, что ты здесь? – Хестия снова расхохоталась. – Да можешь даже не отвечать. У тебя всё на лице написано, хоть ты и пытаешься строить из себя настоящего Жнеца.

– Тебя это не касается. Всё, что мне от тебя нужно – это информация.

– А как же это твоё «Властью, данной мне Великим Домом Ортос»? – тоненьким голоском передразнила Хестия. – Ты кем себя возомнила?

– Я – Жнец Дома Ортос, и согласно Кодексу, имею право производить аресты и выносить приговоры…

– Вот только это не земли твоего Дома.

– Странствующий Жнец имеет на это право на любых землях, если только его действия не нарушают законы местного пританея.

– М-м-м, странствующий Жнец, значит? Прямо как в сказках? Защитник обездоленных, охотник на монстров, искатель приключений.

– Это реальный пункт Кодекса Жнецов!

– Так и я об этом. Весь твой Кодекс – одна большая сказочка для болванов. И ты думаешь, я поверю, что твой папаша позволил одной из своих дочерей объявить себя странствующим Жнецом?

– Я уже взрослая девочка, – процедила Регина.

– А по-моему, ты идиотка. Ты вообще до этой поездки в Пасть хоть раз покидала Альтасар? Реальный мир сожрёт тебя, сладкая. Причмокивая и похрустывая твоими косточками.

Регина, не выдержав, подалась вперед через стол и ухватила разбойницу за грудки левой рукой. Из её протеза, проскользнув между неподвижными золочёными пальцами, со щелчком выскочил блестящий обоюдоострый клинок.

– Слушай, ты… Потрошительница! – давясь от ярости, прошептала она, притянув её к себе. – За тобой столько злодеяний, что любой Жнец, которому ты попадешься на глаза, вправе прикончить тебя на месте. То, что Обрубку удалось вытащить тебя с виселицы, говорит лишь о продажности пританов Хамунда, не более того. Не думай, что тебе удастся уйти от правосудия!

Хестия, замерев на время этой тирады, под конец вдруг рывком подалась вперёд и лизнула лицо Жницы, пройдясь языком от подбородка до самой скулы прежде, чем девушка успела отпрянуть.

Вскрикнув, Регина выпустила её и, брезгливо морщась, вытерла лицо рукавом. Разбойница же снова расхохоталась, запрокинув лицо к потолку. Но осеклась, когда острие клинка, выдвинувшегося из протеза, коснулось её шеи.

– Ну, давай! – оскалилась она, глядя в бирюзовые глаза высокородной. – Ты же, Трогон тебя сожри, Жнец! А я – преступница. Давай, верши своё правосудие!

Острие заметно дрожало, царапая кожу. Из порезов медленно, будто нехотя, поползли капельки крови. Пролетело несколько мгновений, но потом напряжение резко спало – Регина отшатнулась назад, плюхаясь на лавку. Хестия снисходительно ухмыльнулась.

– Так я и думала. Кишка тонка. Скажи-ка честно, тебе вообще доводилось убивать? Хоть раз в жизни?

– Заткнись! – прорычала Регина, снова вытираясь, на этот раз выуженным откуда-то из подсумков платком.

– Что, серьёзно? – ахнула разбойница. – Ни разу? И при этом ты попёрлась в Пасть?!

– Я не какая-то там домашняя девочка! Я больше пяти лет тренировалась с лучшими бойцами Дома Ортос! Последние два года – с самим Дангилаем.

– Ну да, ну да. Он наверняка тебя хорошенько и частенько… тренировал, – не унималась пленница и согнулась от смеха, едва не уткнувшись лицом в столешницу.

– Заткнись! – Регина грохнула кулаком по столу так, что доски жалобно хрустнули.

Хестия, к её удивлению, и правда стихла. Распрямилась, быстро успокоилась и снова взглянула Жнице прямо в глаза.

– Ты всё-таки идиотка, – с неожиданной грустью произнесла она. – Возвращайся к папочке, сладкая. Это всё не для тебя.

– Я… не могу. И не хочу. Там, в Пасти, жизнь моя окончательно разделилась на «до» и «после». Я не вернусь больше в Белые башни. Разве что отец пошлёт своих зилотов привести меня силой.

– Ну, и ради чего ты пустилась в бега?

– Такой, как ты, всё равно этого не понять. Я должна… – Регина вдруг осеклась. – Впрочем, кому я это объясняю? Ты будешь говорить или нет?

– А если нет? Что, казнишь меня на месте?

– Доставлю тебя в любой из анклавов, в которых за твою голову назначена награда. А там уж пусть сами разбираются.

– И что, потащишь меня на себе? Сама-то в это веришь?

– Так избавь меня от хлопот. Расскажи, что знаешь, и можешь проваливать на все четыре стороны.

– Да не знаю я, где этот твой Ян! – не выдержав, огрызнулась Хестия. – В последний раз я его видела четыре дня назад, по дороге сюда. Но потом он исчез.

– Как исчез? Куда?

– Да откуда мне знать? Мы были в одном обозе. Направлялись в Хамунд. Встали на ночлег на полпути к Крысиному замку. А утром Яна нигде не было. Мы подождали какое-то время. Прочесали окрестности. Но он как сквозь землю провалился. Харул остался его ждать, а обоз двинулся дальше. И я тоже.

– А почему ты не осталась?

– Я тебе уже сказала. Я просто наёмница. Сама по себе. Турнир закончен, Обрубок выплатил мне мой куш, а больше мне от него ничего и не надо. Хочу податься на юг, в теплые края. Буду жить, припеваючи.

Регина, выслушав её, задумалась.

– На юг, говоришь… Ну, и почему ты до сих пор здесь? Если ты говоришь правду, то ты могла бы быть уже на пути к побережью.

– Да так… – скривилась Хестия. – Выпал шанс повидать одного… старого друга. Случайно услышала, что он где-то в этих краях. Обидно было бы разминуться.

– Друг? Это у тебя-то? – скептически переспросила Регина. – Вот уж никогда не поверю.

Разбойница не ответила, продолжая буравить её язвительным взглядом.

– И это всё, что ты можешь рассказать? Маловато для освобождения.

– Ну, а зачем мне врать? На кой мне сдался твой Ян?

Регина выругалась сквозь зубы, не в силах скрыть разочарования. Хестия же демонстративно повела плечами.

– Ну, так что? Снимешь браслеты?

– Не так быстро, – осадила её Жница. – Сначала ты…

Страшный грохот и гул заглушил её слова. Казалось, вся скала, в которой был вырублен зал таверны, содрогнулась до самого основания. С потолка посыпалась пыль и мелкие камешки, железные балки перекрытий заскрежетали так, что дрожь пробежала по хребту.

– Что это?! – Регина вскочила, оглядываясь. Шлем её быстро сомкнулся, скрывая лицо за непрозрачным забралом.

Её пленница тоже была уже на ногах. Протаранив Жницу плечом, она отпихнула её в сторону и бросилась бежать – как есть, со скованными за спиной руками. В свете качающихся на цепях светильников её фигура отбрасывала на стены причудливые тени – казалось, будто зал снова наполнился толпой посетителей, мечущихся в панике из стороны в сторону.

Споткнувшись в суматохе об перевёрнутую лавку, Хестия потеряла равновесие и едва не рухнула лицом вниз. Но Регина, догнав её, подхватила сзади за шкирку.

– Быстрее! Наверх! – выкрикнула она.

Землетрясение было каким-то странным. Через несколько секунд после первого мощного толчка последовала целая серия повторных, но они оказались гораздо слабее. А потом и вовсе всё стихло – только откуда-то из туннелей, ведущих в другие подземные помещения замка, доносились отголоски небольших обвалов. К счастью, на их пути крупных обрушений не было – Регина, волоча за собой пленницу, пронеслась по туннелю к вертикальной шахте, в которой располагалась винтовая лестница, пронизывающая все этажи подземелий до самой поверхности.

Наверху они были через несколько минут. К этому времени толчки давно стихли. Впрочем, уже было понятно, что это никакое не землетрясение. Скорее взрыв или обрушение чего-то большого. Для того, чтобы понять, что именно рухнуло, пришлось забраться на крепостную стену. Но ещё по дороге, пробиваясь через толпу перепуганных людей, Регина расслышала выкрики:

– Мост! Кто-то взорвал мост!

Добравшись, наконец, до подходящей смотровой площадки, Регина остановилась, подтянув к себе поближе арестованную и не давая ей вырваться. Впрочем, та пока и не пыталась сбежать. Вместе с остальными Хестия с изумлением глядела вниз, перегибаясь через зубец крепостной стены.

Там, где каньон Наксос разветвляется на два русла, расходящиеся далеко в стороны, со дна его поднимается чудом уцелевший островок. Он больше похож на грубо вытесанную из камня колонну с плоской верхушкой и расширяющимся к низу основанием. Мосты, переброшенные на этот остров, с высоты похожи на стежки или скобы – будто кто-то попытался соединить расползающиеся лоскуты суши.

Собственно, так и есть. И именно на верхушке этой скалы и выстроен Крысиный замок.

Мост, ведущий на северо-запад, соединяет его с трактом на Долину Багровой пасти. Северный мост тоже ведет в земли номадов, но в другую их часть – более приспособленную к жизни. Там, помимо банд кочевников, в последнее время даже образовываются посёлки вольных людей – в основном из числа беглых рабов, преступников или изгнанных из прайда гракхов. Хотя всё чаще в вольные земли уходят и обычные люди, мечтающие о свободной жизни. Южный же мост ведёт к анклавам – в самую густонаселённую и цивилизованную часть континента.

И именно в Южном мосту сейчас зияла огромная брешь. Обрушился почти весь центральный пролет и не меньше половины опор в средней части. Каким-то чудом уцелела лишь узкая каменная полоска справа, но по ней теперь явно не пройдёт даже средних размеров повозка, не говоря уже о тяжелогруженых. Остался проход только для пеших.

Будто издеваясь над этими мыслями, и эта полоска, едва держащаяся за край опоры, вдруг тоже с грохотом обвалилась в пропасть.

Глава 1

Мы шли по пустошам второй день. Однако, несмотря на унылость пейзажа и монотонность нашего путешествия, заскучать я не успел. В голове постоянно крутились мысли о будущем.

Для того, чтобы выживать в этом мире и дальше и успешно воплотить все мои планы, мне понадобится очень многое.

Во-первых, помощники и союзники. В одиночку тут точно не справиться. При этом не стоит полагаться, например, только на Ординаторов, или только на Дом Мэй. У них у всех свои мотивы и интересы, которые мне не до конца известны. Так что надо стараться лавировать между ними, не даваясь в руки.

Во-вторых – нужны будут ресурсы. Деньги, оружие, информация, артефакты Аракетов – всё, что может пригодиться.

В-третьих – какая-то база. Место, где я буду в безопасности, где можно будет укрываться самому, собирать единомышленников. В конце концов, где можно будет хранить свои вещи.

Но, пожалуй, ключевой ценностью является моя собственная сила. Это фундамент, на котором предстоит выстроить всё остальное. Какой прок от самых хитроумных планов, если сам я буду уязвим и слаб? Стоит мне умереть – и всё пойдёт прахом.

Вспомнились слова Акаманта.

Может, тебя и правда невозможно убить в бою. Но даже самого искусного воина можно застать врасплох. На пиру, в постели, в дороге. Нельзя предусмотреть всего.

Вот уж кто вынужден действовать без страховки. Он сумел выбраться из самых низов, а сейчас играет чуть ли не на равных с Великими Домами арранов, плетя сложнейшее кружево из интриг, договоров, сделок, взаимных уступок. Вот только сам он – лишь жалкий карлик, не способный даже самостоятельно ходить. Так что за всем набранным за долгие годы могуществом Дома Мэй скрывается очень хрупкая сердцевина.

Мне предстоит что-то подобное. Но я не льстил себе и смотрел на ситуацию трезво. В хитроумии я с Акамантом не сравнюсь. А самое главное – я чужак в этом мире, не знаю его писаных и неписаных законов и сотен нюансов, на которых Обрубок наверняка играет при построении своей теневой империи. Так что придётся делать больше упора на грубую силу.

На свой дар Ныряльщика. И на амальгаму.

То время, что мы потратили на неспешный пеший переход к Крысиному замку, я использовал не только для того, чтобы отсыпаться, отъедаться и заращивать многочисленные раны. На привалах я изучал свои новые возможности – уже более пристально, не торопясь, забрасывая Аму всё новыми вопросами, а временами ставя небольшие эксперименты.

Со стороны мои занятия большую часть времени напоминали медитацию – я просто сидел, прикрыв глаза и погрузившись в самосозерцание. Но временами творил странности, чем вызывал недоуменные, а то и насмешливые реплики со стороны Энки.

Например, когда я, тестируя состояние своего вестибулярного аппарата, упражнялся в жонглировании несколькими камешками. Или бросками тех же камешков пытался сбивать мелкие цели в десятках шагов от себя. Или балансировал на одной ноге на верхушке остроконечной скалы. Или в стиле Ван Дамма вставал на шпагат, повисая между двумя валунами.

Самое удивительное – что всё это у меня с лёгкостью получалось. Те комплексные изменения, что я запустил с помощью амальгамы перед своей вылазкой в Лабиринт, давали о себе знать уже в полную силу.

Часть из них была более очевидна – например, заметно выросшая физическая сила и выносливость. Я как-то попытался проверить, сколько раз подряд смогу отжаться от земли, но в итоге бросил эту затею, перевалив за три сотни повторений. Показалось, что я могу зани-

маться этим до бесконечности. А вот другая часть – та, что касается координации движений и скорости реакции – требовала проверки. Вот я придумывал для себя новые тесты.

В итоге пришёл к выводу, что после минимальной подготовки смог бы выступать в цирке, легко подменяя хоть канатоходца, хоть жонглера, хоть метателя ножей, хоть йога, спящего на гвоздях, хоть силача, рвущего цепи. Да, собственно, и фокусы могу показывать, используя Суму и умение нырять на изнанку.

В общем, сильный и смелый, ловкий, умелый… Детские стишки откуда-то из прошлой жизни.

Вот только вся эта ловкость не особо-то спасала меня в Лабиринте. Меня там резали, били, жгли все, кому не лень. И подозреваю, что на Аксисе может быть ещё хуже. Особенно если столкнусь в прямом противостоянии с кем-нибудь из своих самых серьёзных противников. С теми же Жнецами. Или с культистами Красной руки. Эти вон Энки чуть не ушатали. А того же Голема я бы, возможно, даже со Светом зари не смог бы завалить.

В общем, всё указывало на то, что не обойтись без более радикального воздействия амальгамы на организм. Здесь возможности амальгамы казались безграничными – ведь можно было управлять своим телом на клеточном уровне и перестраивать его по собственному желанию. Но по мере того, как я углублялся в этот вопрос, становилось понятно, что не всё так просто.

Если совсем коротко – в организме ведь всё взаимосвязано. И изменить один из его элементов, который до этого тысячами поколений калибровался в ходе эволюции… Ну, это всё равно, что попытаться вклинить в сложный рисунок, выложенный из костяшек домино, ещё пару штук, в самую середину. Одна ошибка – и всё начнёт сыпаться. Амальгама, конечно, может компенсировать некоторые перекосы баланса, но лишь до разумных пределов. При этом ей придётся задействовать ресурсы, которые могли бы пригодиться для других задач.

В общем, такие вот эксперименты с управляемыми мутациями требуют детальнейшего знания анатомии, которым я, увы, похвастаться не могу. Но есть выход – набор готовых сбалансированных решений, предлагаемых через интерфейс амальгамы.

Ама объяснила, что эти готовые схемы мутаций – это что-то вроде общественного достояния, предоставляемого носителям амальгамы самими Ординаторами. Это, конечно, лишь малая часть того, на что способна амальгама. За столетия пользования ею высокородные арраны проводили множество экспериментов. Но все эти разработки Великие Дома держат в тайне. В этом смысле между ортосами и гракхами тоже идёт гонка вооружений.

Ну, что ж, придётся пока обойтись тем, что есть.

Пока мне больше всего приглянулось две опции – «Каменный скелет» и «Кожа колгара». Первая немного утолщала кости и давала им повышенную в несколько раз прочность за счёт изменения структуры и повышенного накопления в них минеральных соединений. Но самое главное – в несколько раз повышала прочность и износоустойчивость суставов и связок за счёт армирования их амальгамными элементами. Эта мутация требовала безвозвратной траты двух полных кластеров амальгамы, но я решил, что оно того стоит – в бою очень пригодится.

«Кожа колгара» и вовсе требовала пять кластеров, а в дальнейшем – и некоторого количества свободного амальгамного вещества для своего поддержания. Но суть изменений тоже показалась мне крайне заманчивой.

Название мутации отсылала к колгарам – уже известным мне меланхоличным вьючным животным, похожим на мохнатых буйволов. У них от природы очень прочная шкура, которую большинство хищников попросту не может прокусить. Да и оружием её пробить сложно – нужен как минимум огнестрел, и не пистолетного калибра. Погонщики колгаров для управления ими пользуются специальными острыми стрекалами, да и те с трудом пробивают даже верхний слой кожи – так, нервные окончания пощекотать.

Аугментация обещала чуть ли не такую же прочность за счёт укрепления и утолщения всех слоёв кожи и вживления в неё тонкой армирующей сетки из амальгамного вещества. При этом внешне кожа не должна будет кардинально измениться. На ощупь станет толще и менее эластичной, исчезнет волосяной покров, и цвет будет немного темнее – вот и весь список побочек. Кроме того, потовыми железами тоже придётся пожертвовать ради прочности, и это скажется на механизмах терморегуляции. Но это легко решаемо при наличии хотя бы пары свободных кластеров амальгамы. А их у меня ещё остаётся достаточно.

От серьёзного огнестрела или тем более радиумного оружия эти улучшения меня не спасут. Но о всяческих ушибах, ссадинах, порезах и прочих поверхностных ранах от падений или от холодного оружия можно будет не беспокоиться. Да и фрагментированные кластеры целее будут – не придётся залечивать кучу мелких ранений, если я их попросту не буду получать.

Обе аугментации требовали определённого времени для завершения. Для формирования колгарьей кожи я задал срок в пять дней – достаточно плавно, чтобы изменения не мешали повседневным делам. «Каменный скелет», по прогнозам Амы, потребует вдвое больше времени из-за нехватки некоторых минералов. Что немудрено – питаться мне пока приходится, чем попало. Срок уменьшится, если я возмещу недостаток нужных веществ.

Но ещё одно важное изменение организма я запустил ещё до своего похода в Лабиринт – тоже в щадящем режиме, чтобы не отвлекаться на побочные эффекты. Я уже, признаться, успел забыть о нём – слишком много всего произошло за это время, и я отвлёкся. Но после второй нашей ночёвки в пустошах Ама оповестила меня о том, что, наконец, вырастила у меня в мозгу новую структуру.

Глаз Абраксиса.

Обзавестись этой штукой меня уговорила Джабари, представительница Ординаторов, вышедшая со мной на связь после Жатвы. По её описаниям это было что-то вроде телепатического радио, которым пользовались многие носители амальгамы. Обычные средства связи на Аксисе работают хреново – мешают помехи от рассеянного в атмосфере игниса. Частицы хаоса в газообразных средах растворяются очень медленно, так что могут плавать в верхних слоях атмосферах годами. Но псионным волнам, используемым Глазом Абраксиса, эти помехи нипочём. Они транслируют образы напрямую в мозг адресату.

Пси-волны – ещё одна технология древних арранов, утерянная современными хозяевами Аксиса. Помимо «Глаз Абраксиса», её сейчас можно увидеть лишь в некоторых артефактах древних. В основном в так называемых мнемо-пластинах, или «чёрных зеркалах». Найти эти устройства можно в архивах и библиотеках древних, хотя в нетронутом виде их практически не осталось – большинство пластин повреждены и содержат лишь осколки некогда помещенных в них данных.

Даже поверхностного знакомства мне хватило, чтобы понять, что Глаз – это не просто «телепатическое радио», а куда более мощный и разносторонний инструмент. Например, сразу же вышла на иной уровень связь с Амой. Искусственный интеллект амальгамы теперь не просто был бесплотным голосом в голове – её речь начала сопровождаться довольно чёткими и яркими образами, живо напомнившими мне видения, возникающие над каменным столом Госпожи Эреш. Кажется, корнями эта технология тоже уходит в Лабиринт.

Как я понял, основная функция Глаза Абраксиса, помимо связи с другими обладателями такой аугментации – это прямая передача информации в мозг, без посредников в виде текста или прочих двухмерных изображений. Информация на мнемо-пластинах, наверное, и вовсе представляет собой что-то вроде загрузочных дисков из первой «Матрицы». Вжух – и «Мама, я знаю кунг-фу!».

Почти сразу же после активации Глаза Абраксиса я получил «входящий вызов» от Эрит-Джабари-Тан. Чуть помедлив, я ответил – разговора с ней всё равно не избежать. К тому же у неё можно кое-что выведать.

Образ Ординатора всплыл передо мной – такой чёткий и яркий, что я в течение всего разговора невольно приглядывался к нему, изучая мельчайшие детали. Впечатления были, как при запуске новой компьютерной игры с графикой нового поколения – я поражался красоте и безупречной реалистичности изображения.

В прошлые разы Джабари представала передо мной в виде объёмной, но одноцветной голограммы, проецируемой летающей линзой. Образ, продуцируемый Глазом Абраксиса, был полноцветным, и я невольно залюбовался величественной красотой облачения советницы. Сочетания золота, слоёв белоснежной, голубой и черной ткани, вычурный головной убор, вызывающий ассоциации не то с древним Египтом, не то с причудливыми нарядами принцессы Падме из «Звездных войн».

– Рада видеть вас целым и невредимым, Ян! Вы не представляете, как нас огорчило и испугало ваше внезапное исчезновение. Нам только несколько часов назад удалось снова засечь ваше местоположение через амальгаму, и сразу же, как ваш Глаз Абраксиса стал доступен, я…

– Сколько я отсутствовал? – перебил я её поток дежурных любезностей.

Если вопрос и удивил Джабари, она не показала вида, продолжая придерживаться нейтрально-вежливого тона.

– Больше недели. Мы не знали, что и думать! Если бы вы погибли – связь с амальгамой всё равно оставалась бы. Но вы словно сквозь землю провалились! Впрочем, это неудачная метафора. Даже самые глубокие шахты – не помеха для псионных волн… Где вы были, Ян?

Я задумался, помедлив с ответом.

Время на Осколках течет по-разному, и Эреш предупреждала, что могут быть сдвиги в ту или иную сторону. Она-то обещала скомпенсировать их, возвращая меня на Аксис. А вот Энки, похоже, было не до подобных мелочей. Ну что ж, могло быть и хуже. Но караван Кхемеда мне точно уже не догнать. Они, скорее всего, давно уже миновали Крысиный замок и сейчас на пути к анклаву Хамунд.

Впрочем, мне ведь не сам караван нужен. Надо найти Харула Полудемона. Из всех моих знакомых, приобретённых на Аксисе, пожалуй, ему я доверял больше остальных. И я бы не отказался от его помощи. Как ни крути, но мне нужен проводник по Аксису. Какую-то общую информацию я могу почерпнуть из архива Ординаторов через Аму. Но это всё равно, что пытаться сориентироваться в чужой стране исключительно по путеводителям. Всё же лучше, когда тебя сопровождает кто-то из местных.

– Я был в Лабиринте, – наконец, вывалил я.

Повисла пауза – Джабари, похоже, ждала продолжения, но я молчал, пытаясь угадать выражение её лица под матовой маской.

– В лабиринте? – осторожно переспросила она.

– Только не говорите, что не знаете, что это такое, – проворчал я.

– Да нет, просто… Тот самый Лабиринт? Место ритуальных испытаний древних Ныряльщиков?

– Вас это так удивляет?

– Мягко говоря! После Раскола не было известно ни одного подтверждённого случая выхода в Лабиринт. Как вам удалось туда попасть?

– Возможно, расскажу, но позже. Сейчас меня интересует другой вопрос. Мне нужны сведения о кельтаррах. Я уже пытался расспросить об этом Аму, но она ответила, что у неё нет никаких данных по этой теме. Что довольно странно…

– Кто такая Ама?

– Я так называю голосового помощника, встроенного в амальгаму.

– Ах, вы об этом… Через амальгаму у вас есть выход только на общедоступный архив данных. Сведений о тёмных культах вы там точно не найдёте. После Раскола всё, что было связано с ними, уничтожалось подчистую, включая книги и мнемо-пластины, где кельтарры упоминались хотя бы вскользь.

– Но уж в ваших-то архивах наверняка что-то осталось.

– Позвольте спросить, откуда такой интерес к этой теме? Да и вообще, откуда вы узнали о кельтаррах? Это как-то связано с вашим погружением в Лабиринт?

– Отчасти. Это связано скорее с тем, что происходит на Аксисе. В том числе с похищением моей дочери. Вам что-нибудь известно о Красной руке? Это некий культ, действующий сейчас на Аксисе. Судя по тому, что я о них уже разузнал – это кельтарры.

Джабари ненадолго утратила своё хвалёное самообладание. Лица её не было видно под маской, но судя по движениям и короткому удивлённому вздоху, она была совершенно не готова к таким откровениям.

Собственно, на это у меня и был расчёт – разом, без подготовки, вывалить на неё эту информацию и посмотреть, как она будет реагировать. Правда, эта дурацкая маска всё же здорово мешает. Да и сама советница быстро взяла себя в руки – замешательство длилось буквально несколько секунд.

– В это… сложно поверить, Ян, – деликатно возразила она. – Как вы сказали? Красная рука?

– Да. Ещё мне известны прозвища нескольких культистов, – я сверился со своим заметками. – Ходок. Голем. Угорь. И Кошмарник. Этот, похоже, какая-то важная шишка. Возможно, главарь. И, возможно, находится где-то в окрестностях Калиозиса.

Джабари вздохнула.

– Всё это больше похоже на какие-то бандитские клички. Они мне ни о чём не говорят. Может, вы слышали ещё какие-нибудь имена или названия?

– Пока это всё, что я могу сообщить.

– Боюсь, этого мало. Я, конечно, попробую проверить эту информацию по нашим каналам, подключим эмиссаров из анклава Калиозис. Но… ничего не обещаю. А причем здесь ваша дочь?

– Она у них. И не спрашивайте, откуда я это знаю.

– Ян, мы не сможем вам помочь, если вы не будете с нами откровенны, – укоризненно промолвила Джабари.

– Строго говоря, я от вас пока и не получил ничего, кроме обещаний. Дайте мне сведения о кельтаррах – и я пойму, что вы действительно настроены серьёзно.

– Но что конкретно вас интересует?

– Да всё, что есть! Всё, что может вывести на след Красной руки. Может, это название промелькнёт где-то в архивах…

– Очень сомневаюсь в этом. Я же уже сказала – после Раскола и окончательной победы над ересью кельтарров на Аксисе постарались уничтожить даже память о них. Я не верю в то, что какой-то из культов смог пережить несколько столетий жесточайших гонений…

– Значит, он возродился недавно. Может, кто-то нашёл глубоко запрятанные записи, или артефакты… Или же культисты прибыли на Аксис извне, из старых арранских колоний.

– Это тоже крайне маловероятно.

– Впрочем, возможно, даже не нужно никаких гостей из других миров. Я поизучал карты Аксиса, которые загружены в амальгаму. Десяток анклавов к северу от Лазурного моря – вот и вся территория, которую арраны контролируют на данный момент. Но это же наверняка не единственный уцелевший островок цивилизации на планете.

– Всё так, – терпеливо кивнула Джабари. – Поймите, Ян, я ведь не отбрасываю эти возможности полностью. И именно потому, что угроза возвращения кельтарров всегда рассматривалась всерьёз, мы до сих пор придерживаемся таких жёстких законов насчёт любых тёмных культов. И постоянно контролируем этот вопрос. Мы не могли прозевать появление целой организации!

– По-вашему, я лгу?

– Я этого не говорила, Ян. Не нужно воспринимать всё так близко к сердцу. Просто вы на Аксисе совсем недавно, и во многом вам ещё только предстоит разобраться. Почему вы решили, что та банда, с которой вы столкнулись – именно кельтарры?

– Те, с кем я столкнулся, порчены игнисом и обладают сверхъестественными способностями.

– Красная порча – не редкость на Аксисе, вы же уже знаете. И порой она действительно может наделять мутантов необычными свойствами…

– Нет, тут другое. Насколько я знаю, Красная порча чаще всего уродует внешность человека и повреждает его рассудок. А тут больше похоже на то, что культисты целенаправленно работают с игнисом. И со Скверной. Я своими глазами видел, как один из них сжёг себя дотла с помощью кристалла с чистым игнисом, вживлённым в тело. А двое других воспользовались побегами Скверны, как… своего рода телепортом.

На этот раз Джабари не перебивала и, судя по неосознанному жесту, глубоко задумалась.

– Путешествия с помощью Скверны? Была такая смелая теория в работах одного исследователя Второй эпохи. Он считал, что грибница уходит своими корнями в Заарум, но способна опутать всё древо миров, словно плющ.

– Похоже на правду. По крайней мере, в Лабиринте она тоже встречается.

– Вы уверены? – переспросила Джабари.

Вместо ответа я скорчил гримасу в духе мема с Дауни-младшим. Она меня что, за идиота держит? Уж как выглядит Скверна, я знаю.

– Просто я удивлена… – поспешила добавить советница. – Согласно нашим исследованиям, грибница – довольно недавнее явление, и мы связывали её исключительно с последствиями войны Раскола на Аксисе. Я не сталкивалась с упоминаниями подобного проявления Скверны в других мирах или, тем более, в Лабиринте. Это ценные сведения, Ян!

– Да на здоровье. Но что с ними будем делать?

Джабари замерла на добрые пару минут. Образ её оставался совершенно неподвижным – то есть это было не просто замешательство, а именно пауза в переговорах.

– Простите, Ян, мне нужно было кое-что проверить, – извинилась она после возвращения. – Откровенно говоря, наш разговор принял совершенно неожиданный для меня поворот. Мне необходимо будет посоветоваться кое с кем…

– Ну, а пока вам ответить нечего?

Она вздохнула.

– Хоть я и разговариваю с вами от лица всех Ординаторов, я далеко не всё могу решать единолично. Но от себя лично готова заверить вас – ваши слова услышаны, и мы постараемся принять меры. Если бы мне что-то было известно о возвращении кельтарров на Аксис – я бы точно поделилась с вами. А уж мне-то это точно было бы известно, поскольку я специализируюсь на истории.

– Я помню. Поэтому меня так и удивляет, что у вас нет сведений на этот счёт.

– Мы не всесильны и не всеведущи, Ян. А архивы Чёрной пирамиды и вовсе довольно специфичны. Вероятно, вы не знали об этом, но Пирамида – это корабль. Межмировой корабль, способный двигаться по Зааруму. Он был отправлен в дальнюю экспедицию задолго до Раскола, и считался утерянным многие века. Вернулись мы на Аксис только чуть больше

трехсот лет назад. Соответственно, мы попросту не знаем, что все эти века происходило на планете. Так что наши архивы неполны.

– И где тогда искать?

– Очевидны два направления поисков. Во-первых, это архивы Альтасара. Это крупнейший анклав на побережье, к тому же с самой хорошо сохранившейся древней инфраструктурой. Он контролируется Великим Домом Ортос.

– Я так понимаю, Данакт не предоставляет туда доступ? Даже вам?

– Разумеется. Но у меня есть знакомый… исследователь. Она как раз очень интересуется этой опасной темой. Раньше я пыталась перенаправить её энергию в другое русло, но сейчас… Возможно, её изыскания будут полезны.

– Хорошо. А второе направление?

– Архивы других древних городов. Номады, обитающие за пределами анклавов, регулярно притаскивают на обмен какие-нибудь древности. Чаще всего – сломанный и бесполезный мусор, но среди него попадаются и мнемопластины, которые они находят в руинах. Правда, чтобы найти что-то действительно ценное, нужна серьёзная экспедиция.

– Понятно.

– И есть ещё кое-что. Это касается многих древних архивов и техники, в том числе тех, что на Чёрной пирамиде. Я, кажется, уже рассказывала о том, что в них есть засекреченные разделы и функции, доступ к которым закрыт. И ключом чаще всего выступает генетическая метка.

– Как на оружии Аракетов?

– Да, принцип схож, но уровень защиты жёстче. Защита на оружии Аракетов массово устанавливалась ещё во времена колонизации других миров – для того, чтобы им не могли воспользоваться гелоты. Так что там достаточно и минимального процента primum sanguis. Но для доступа к более серьёзным артефактам нужно быть чистокровным потомком Аракетов. Во многом из-за этого ортосы так одержимы идеей восстановления генома Изначальных. Они верят, что это позволит восстановить былое могущество арранов. Может быть, даже снова открывать врата в другие миры.

– Понятно… – задумчиво пробормотал я. – Значит, возможно, ответ где-то совсем рядом. Надо только открыть нужную дверь.

– Возможно. И теперь у нас для этого есть вы. От вас в буквальном смысле зависит будущее Аксиса.

– А чего хотят кельтарры? Ну, если всё же предположить, что Красная рука – это наследник какого-то древнего тёмного культа?

Джабари не стала торопиться с ответом.

– Сложно сказать, Ян. Кельтарры – это обобщенное название всех тёмных культов, обращающихся к силам Заарума. И мотивы у них в разные периоды истории были разные. От простого желания устранить конкурентов ради власти и могущества до… Самых радикальных.

– Уничтожение Аксиса?

– Уничтожение всей известной вселенной. И возврат к царству первозданного хаоса, в котором те, кто служил ему, станут новыми богами.

– Эти ребята, я смотрю, не мелочились, – усмехнулся я.

– Во времена Раскола ставки возросли, как никогда, – серьёзно ответила советница. – И, возможно, та игра ещё не завершена. По крайней мере, те, кто остался в живых, не очень-то похожи на победителей.

– Это точно…

Джабари кивнула, всем видом показывая, что разговор закончен.

– Мы продолжим поиски, Ян. И, надеюсь, теперь мы будем всегда на связи. Позвольте спросить – что вы сами собираетесь предпринять?

– То же, что и вы. Искать.

Когда образ Джабари растворился в воздухе, я поймал на себе взгляд Энки и невольно чертыхнулся сквозь зубы. Увлёкшись, я только сейчас понял, что разговариваю вслух.

– И кто это был? – как ни в чем не бывало, поинтересовался демон, отхлебывая из бутылки и протягивая её мне.

– Ординаторы. Они еще в Пасти вышли со мной на связь, предложили помощь.

– Ну и как, помогли?

В его голосе я расслышал явные нотки сарказма. Я принял бутылку и тоже промочил горло.

– Если честно – пока не особо. Но, кажется, теперь понятно, почему Красная рука хочет меня убить. Ты был прав, дело не в даре. Всё потому, что я – Аракет.

Глава 2

Убивать легко. Стоит только начать – и довольно быстро это становится делом обыденным. На такой вот невесёлой мысли я поймал себя, подбираясь уже к третьей за сегодня жертве.

А уж охотиться, используя серый мир, и вовсе проще простого. Главное – суметь выследить добычу и подобраться на расстояние прямой видимости. Дальше уже можно нырять на изнанку, спокойно подходить к ней вплотную и бить из пустоты.

Правда, я успел заметить, что некоторые животные всё же каким-то образом чуяли моё приближение – настораживались, поднимали головы, озираясь. Возможно, и с людьми так. Какое-то смутное шестое чувство, схожее с тем, когда затылком ощущаешь на себе чей-то пристальный взгляд.

Что ж, надо взять на заметку. Ещё один факт в копилку знаний о моей новой реальности.

Зверь, которого я окрестил вараном, дёрнулся, неожиданно получив полметра острой зачарованной стали в загривок. Из глотки его вырвался короткий, быстро стихший хрип, тело забилось в предсмертных конвульсиях, так что я наступил на него, прижимая к земле.

Бил я без затей, вертикально сверху, беря чуть левее хребта. Клинок, пронзив уродливую горбатую спину, дошёл прямиком до сердца, призрачное биение которого я тоже научился различать при взгляде с изнанки. Точнее это был занятный симбиоз моего дара и той функции боевого ядра Жнеца, что подсвечивала через линзы наиболее уязвимые места любого противника.

Подождав, пока зверь перестанет трепыхаться, я выдернул клинок. Кровь на нем слегка дымилась – как и большинство обитателей местных пустошей, уродец был подпорчен игнисом, но не настолько, чтобы свойство Губителя Скверны срабатывало в полную силу.

Это хорошо. Значит, мясо съедобно.

Строго говоря, это и не варан вовсе, но я уже привык называть их так. Разделывая предыдущих бедолаг, я понял, что ящериц они напоминают лишь внешне, да и то издалека. По факту эта штука теплокровная и всеядная, а бугристая жесткая шкура, похожая на кожу рептилии – явно следствие мутаций. Кое-где на ней ещё видны остатки шерсти.

Наученный горьким опытом, разделал я добычу прямо на месте. В первый раз притащил на стоянку целиком, так потом пришлось перебираться в другое место – потроха и прочие остатки туши мало того, что зверски воняли, так ещё и привлекли кучу местных крыс.

Разделывать тушу без ножа и охотничьих навыков – сомнительное удовольствие. Но спасало то, что меч был чертовски острый. Обезглавив и выпотрошив тело, я оттащил его чуть подальше и разрубил на несколько частей. С собой захватил задние ноги и пару длинных кусков мяса со спины – самое съедобное. Или, точнее сказать, удобоваримое. Готовить пищу, не имея в распоряжении ни котелка, ни треноги, ни прочих приспособлений – тоже так себе развлечение. Но мы с Энки наловчились запекать мясо небольшими кусками, предварительно вымачивая в вине.

С вином, к слову, перебоев не было. Выуживание из пустоты бутылок с выпивкой – одно из немногочисленных умений, которые Энки сохранил после той заварухи в Калидонском лесу. Поначалу я ворчал, что так немудрено и спиться. Но амальгама не давала мне пьянеть, а от похмелья и вовсе избавляла полностью – к этанолу и продуктам его распада Ама относилась как к любым другим токсинам и старалась побыстрее нейтрализовать их.

С тех пор, как нас вышвырнуло на тракт в окрестностях Долины Багровой пасти, прошло около двух суток. Если бы мы всё это время двигались на юг, то давно бы уже добрались до Крысиного замка – главной и чуть ли не единственной переправы через каньон Наксос. Но я специально не торопился. Да и от самой дороги мы решили держаться подальше, сделав по дороге к замку здоровенный крюк.

От первоначальной идеи – прибиться к одному из проходящих по тракту обозов или хотя бы разжиться у караванщиков едой, питьём или одеждой – пришлось отказаться. Охрана первого же каравана нас чуть не пристрелила. Погонщики второго лишь обругали издали, но отбили всякое желание приближаться.

Скорее всего, из-за потрёпанного внешнего вида нас принимали за номадов – местных оборванцев-кочевников, от которых оседлые арраны не привыкли ждать ничего хорошего. Да и в целом, кажется, бескорыстно помогать ближнему здесь не очень-то принято.

Мы плюнули на всё и ушли в пустоши. Ама всё настойчивее предупреждала меня, что организм мой находится на грани истощения из-за голода и ран. Я это и сам чувствовал – стимуляторы уже не помогали. Но деваться было некуда – мы углублялись всё дальше в пустоши в поисках воды и еды.

Питьевая вода здесь была редкостью, так что обходились вином Энки. А первую зверушку, годную в пищу, мне удалось выследить и добыть только к вечеру. Тот самый варан размером с собаку – этих тварей в окрестностях водилось довольно много. Куда меньше, чем крыс, конечно – те-то местами кишели так, что живо напоминали мне ту стаю, от которой мне пришлось убегать в объятом пожарами Ривине.

Крысы, теоретически, тоже были съедобны, но я ещё не настолько отчаялся. А вот первого варана, кое-как обжарив на костре, умял практически в одиночку. Желудок урчал так, будто на его месте образовался кухонный измельчитель, мгновенно перемалывающий еду.

Мясо, вино и обнадеживающие сообщения от Амы, что организм получил достаточно белков для восстановления, подействовали на меня усыпляюще. Я и сам не помнил, как вырубился, но проспал в тот раз, похоже, часов двенадцать. Не помешало ни опасное окружение, ни ночная прохлада, ни то, что матрасом мне служили голые камни.

Зато, проснувшись, почувствовал, будто заново родился. Дело было даже не в физическом восстановлении, а скорее в том, что мне удалось нащупать некий внутренний баланс.

Стоило мне понять и принять, что играть придётся вдолгую – все изменилось. Я перестал метаться, эмоции отошли на второй план. Я превратился в хищника, терпеливо выслеживающего свою добычу. Шахматиста, анализирующего ситуацию на доске и просчитывающего последствия на несколько ходов вперед. В голове начали выстраиваться поэтапные планы действий и списки задач, которые нужно было решить для продвижения к цели. Это меня радовало, потому что это – моя стихия.

То, что я на несколько дней выпал из поля зрения остальных игроков – даже к лучшему. Я до сих пор не уверен, что разобрался, кому можно доверять, кому нельзя, и что нужно каждому из участников этого многостороннего конфликта. Моё исчезновение, я думаю, всем спутало карты. Что ж, надо использовать эту ситуацию, чтобы усилиться.

Пожалуй, впервые с тех пор, как меня вырвали из моего мира, я полностью вернул над собой контроль.

Цели, стоящие передо мной, тоже наконец-то оформились, выкристаллизовались так, что я видел их перед собой ясно и чётко. С помощью интерфейса амальгамы я даже начал визуализировать их, чертя привычные схемы и ментальные карты.

Всё сводилось к тому, что я планирую войну. Иного пути я не видел. Чтобы вернуть дочь, чтобы остановить Жатвы, чтобы помочь другим землянам, попавшим на Аксис, чтобы обустроить здесь спокойную и безопасную жизнь – придётся драться. Si vis pacem – para bellum, всё как завещал старина Флавий Вегеций.

Правда, враги на моём пути стоят такие, что битва эта пока выглядит совершенно нереальной. Весовые категории, мягко говоря, разные. Причём истинной силы главного противника – Культа Красной руки – я ещё толком не представляю. Но то, что его эмиссары чуть не пленили Энки, говорит о многом.

С Энки мы постоянно беседовали. Вопросов у меня оставалось предостаточно. И, что радовало – он не увиливал от ответов. Наоборот, охотно рассуждал на поднимаемые мной темы, потому что тоже хотел во всём разобраться.

Ему передышка и наше вынужденное скитание по пустошам в одиночестве тоже пошли на пользу. К нему вернулось его прежнее насмешливо-снисходительное настроение, но при этом общаться с ним стало куда проще, чем раньше – из-за того, что перестала так давить его инфернальная аура.

Смертным он, конечно, не стал – своим вторым зрением я видел потоки энергий в его теле, и они совсем не были похожи на человеческие. Это был причудливый рисунок из переплетающихся между собой структур, состоящих из игниса и радиума, которые, хоть и соприкасались друг с другом, но не смешивались.

О природе демонов Лабиринта мы тоже говорили. Меня, в первую очередь, заинтересовал вопрос, почему Губителю Скверны удалось причинить вред оболочке Энки. И почему при этом сработало свойство меча, и кровь его загорелась, как у обычной порченной игнисом твари. Получив ответ на этот вопрос, я много понял и насчёт всего остального.

– Поцелуй Матери… – мрачно проговорил Энки.

Отблески костра плясали в его разноцветных глазах так, будто где-то в глубине зрачков горели два крошечных факела.

– Я, конечно, слышал об этом заклятье, но никогда не видел его в действии. Чтобы соткать его, нужны ингредиенты, встречающиеся только во внутренних областях Лабиринта, недюжинный талант и… смелость. Особенно если ткать именно такую версию – заключенную в ядовитую паучиху из Безмолвного леса. С одной стороны, удобно – применить его сможет кто угодно. Достаточно просто выпустить паучиху на цель. Но если хоть немного ошибиться при подготовке…

– И как оно действует?

– Ты видел сам. Оно вселяет ужас, лишает воли и сил. Идеальный способ пленить кого угодно. Если же вовремя не остановиться и отдать жертву паукам – то в коконе останется лишь высушенная мумия.

– И оно действует даже на таких, как ты? Я думал, в Лабиринте вы неуязвимы. Да и вообще что-то вроде богов.

Энки усмехнулся.

– Конечно, нам бы хотелось, чтобы смертные, попадающие в Лабиринт, так думали. Поэтому мы всеми силами стараемся убедить их в этом.

– А на самом деле?

– Мы не боги. По крайней мере, не в том значении, которое придают этому слову смертные. По большому счёту, мы – рабы Лабиринта, предназначенные для выполнения конкретной работы.

– Это я уже давно понял. Но если вы уязвимы, то что произойдёт, если кого-то из вас убить?

– На его смену просто придёт другая ипостась. Она может выглядеть иначе, обладать другими чертами характера, однако будет иметь с предшественниками общую память. И выполнять дальше то, что ей предначертано. В том числе поэтому у нас столько имён.

– И что, часто происходят такие… перерождения?

– Случается, – уклончиво ответил Энки. – У нас ведь тоже есть эмоции, стремления, желания. Трудно прожить сотни лет, не нажив себе врагов. И рано или поздно это кончается открытым конфликтом. А еще частенько у очередного Ныряльщика возникает мысль бросить вызов тем, кто до этого держал его в страхе. Убить бога. Что может быть заманчивее?

– Да уж… Но я не ожидал, что бога можно будет убить простеньким мечом, который я добыл на одном из серых Осколков.

– Череда совпадений, – пожал плечами Энки. – Да, сам по себе меч очень простой, из обычной стали. Но вот заклятие Пробуждения на нём ты активировал, используя кровь зараженных игнисом чудовищ, причем довольно сильных. Это сыграло свою роль. Ну, а я, когда ты решил атаковать меня, был ослаблен Поцелуем Матери. Плоть аватара была лишена защиты, и…

– Но почему твоя кровь загорелась? Причём куда сильнее, чем у обычных монстров. В ней так много игниса?

– Почему тебя это так удивляет? Даже сама Великая Матерь и Аранос-Создатель родились из Заарума. Так что энергия первородного хаоса присуща всем их творениям.

– И как она сочетается с радиумом?

– С трудом, – усмехнулся он. – Эта извечная борьба хаоса и созидания, света и тьмы. При этом одного без другого просто не бывает. Смертные воспринимают игнис, как абсолютное зло, разрушение, смерть. Их можно понять. Достаточно посмотреть, что происходит с Аксисом. Но на деле игнис – это неотъемлемая часть мироздания. Он отвечает не только за энтропию, но и, например, за элементы случайности.

– «И гений, парадоксов друг, и случай, бог-изобретатель…», – пробормотал я стихотворные строчки, неизвестно откуда всплывшие из памяти. Какие-то смутные детские воспоминания из прошлой жизни. Не то из рекламного ролика, не то из заставки какой-то телепередачи.

Бывшему Козлоногому они пришлись по душе – он одобрительно и даже с некоторым удивлением кивнул, одновременно отсалютовав мне початой бутылкой.

– Именно!

– Ну, а что по поводу твоей силы? Насколько ты вообще пострадал от ранения, и сможешь ли восстановиться? Ты не ответил на эти вопросы сразу. Может, просто не до конца доверяешь мне?

– Я действительно не знаю, Ян. Дело даже не в ранении как таковом. Оно лишь ослабило мою оболочку, но не повредило сути. Хуже другое. Оказавшись здесь, на Аксисе, я почти утерял связь с Лабиринтом. А именно он питает меня.

– Но ты ведь и раньше совершал вылазки в миры смертных? И на Аксисе мы с тобой уже встречались…

– Мы встречались в Долине Багровой пасти, – напомнил Энки. – Это особое место. Из-за десятков проведенных Жатв ткань мироздания там напоминает решето. Там, по-моему, даже Эреш смогла бы появиться во плоти, если бы ей на это хватило духа.

– Ментально она до меня дотягивалась, – вспомнил я. – Правда, не в основном слое реальности. Но я слышал её голос, когда нырял на изнанку. А однажды она и вовсе утянула меня к себе.

– Знаю. Это был единственный способ инициировать тебя. Твой врожденный дар Ныряльщика не совсем полноценен, так что ты бы не смог сам добраться до Эреш. Она помогла тебе, но это стоило ей огромного напряжения. Здесь, на удалении от Пасти, ты можешь нырять на Изнанку безбоязненно – вряд ли она до тебя дотянется.

Я вздохнул, снова невольно погружаясь в мрачные раздумья насчёт Хозяйки перекрёстков.

Энки я ничего не стал говорить – мы и так уже обсуждали с ним эту тему не раз, и ничего нового он мне бы не сказал. Но сам я всё никак не мог успокоиться.

У Энки не было стопроцентных доказательств предательства Эреш. Но, исходя из того, что мы знали, всё говорило о том, что именно она навела на меня культистов Красной руки. А скорее всего, не только на меня, но и на Алису.

Я пришёл к выводу, что изначально Лиска, как я и думал, попала в руки кому-то из Жнецов. Вряд ли культисты участвовали в Жатве или вообще появлялись в долине. Если судить по тому лазутчику, которого я едва не поймал возле тракта, людей Красной руки можно засечь по следу игниса в их крови. Так что они наверняка стараются не попадаться на глаза Жнецам и другим носителям амальгамы.

Выходит, Красная рука перехватила Лиску уже позже – скорее всего, прямо тут, на тракте, когда изначальные похитители попытались вывезти мою дочь в обжитые области Аксиса. Этот участок от Пасти до Крысиного замка – идеальное место для засады.

Но откуда они узнали о моей дочери? Кто вообще о ней знал?

Эреш и Энки. Дом Мэй. И Ординаторы.

В то, что Акамант Мэй связан с культистами, верилось слабо, и эту версию я не рассматривал всерьёз. Акамант, как никто другой, заинтересован в том, чтобы я выжил – я ведь ему пообещал амальгаму.

Ординаторы… Они обладают такой властью и возможностями, что им попросту ни к чему играть со мной в такие игры. Я, конечно, с присущей мне подозрительностью не сбрасывал со счетов версию, что Лиска изначально может быть у них, и они просто скрывают это. Но зачем им, например, подсылать лазутчика для того, чтобы следить за мной? Они и так способны отслеживать всех носителей амальгамы. И они тоже не заинтересованы в моей смерти – я ведь для них ключ, способный открыть двери ко многим сокровищам древних.

Лиска, по сути, тоже является таким ключом. Правда, в ней гены Аракетов разбавлены и не активированы амальгамой. Думаю, кельтарры захватили её на всякий случай – вдруг доступ к технологиям древних им всё-таки понадобится. Ребёнка ведь легко контролировать. А вот я для них однозначно опасен, так что меня – в расход.

Убить меня на Аксисе, учитывая мой дар, не так просто. А вот если заманить в Лабиринт, где я не могу использовать ни дар, ни артефакты Аракетов…

И это обстоятельство тоже указывает на Хозяйку перекрёстков. Единственная причина, по которой она помогала мне в прохождении испытаний – это то, что она хотела сдать Красной руке ещё и Козлоногого. А для этого нужно было, чтобы я дошёл до Храма упавшей звезды – Осколка, в котором Энки обязан был явиться.

Кажется, именно она и навела меня на мысль сделать этот Осколок конечной целью партии.

Остаётся, конечно, еще одна версия – которую мне пыталась втюхать сама Эреш. Что культисты пользуются силой ясновидящей по имени Ассандра. Но тогда что-то она какая-то совсем уж всесильная получается, раз способна чётко выслеживать меня и в Лабиринте, и на Аксисе.

В общем, вероятность того, что Эреш на стороне Красной руки, довольно высока. Мало того – когда я не вернулся с Осколка, она наверняка поняла, что под подозрением. А если она пристально следила за моими похождениями в Калидонском лесу и слышала наш разговор с Энки – то точно это знает.

Выходит, возвращаться к ней сейчас попросту опасно. И меня бы это не особо волновало, если бы мне не пришлось оставить у неё Свет Зари и Испепелитель. Не в том я положении, чтобы разбрасываться оружием Аракетов.

Но этот вопрос пока придётся закрыть. Предстать лицом к лицу с Эреш я готов буду, только если буду уверен, что она не представляет для меня угрозы. А это возможно только в двух случаях. Либо у меня появятся железобетонные доказательства того, что она никак не связана с кельтаррами. Либо я наберусь такого могущества, что смогу разговаривать с ней как минимум на равных.

И я склонялся к тому, что второй вариант куда предпочтительнее.

К Крысиному замку мы вышли под вечер, в быстро сгущающихся сумерках. Мы по-прежнему держались на изрядном удалении от дороги, так что поначалу дошли до самого каньона, а потом двинулись вдоль него, рассчитывая выйти к мосту уже ночью, не привлекая лишнего внимания.

Однако до моста еще было пару километров, когда мы вышли на окраину огромного и, судя по всему, стихийно разросшегося лагеря. Даже целой грозди таких лагерей. Забравшись на одну из скал метров двадцати в высоту, я огляделся.

Это было похоже на огромную автомобильную пробку – добрый десяток обозов застрял на подъезде к замку. Причем караванщики явно устроились здесь надолго – разбили палатки, выстраивали повозки в круг, огораживая территорию.

– Здесь всегда так? – спросил я, спустившись.

– Откуда же мне знать, – пожал плечами Энки.

– Ладно. Попробуем расспросить кого-нибудь из местных.

– Давай. Вон, как раз парочка направляется в нашу сторону.

Нас действительно окликнули. Обернувшись, я увидел двоих вооруженных верзил совершенно разбойничьего вида. Этакие басмачи – бородатые, пыльные после долгой дороги, в просторных мешковатых одеждах и с тюрбанами на головах. Разве что карикатурно разные по телосложению: один – тощий и длинный, второй – сутулый, едва доходит ему до плеча, и хоть и не особо жирный, но с отчетливо выраженным пузиком, обтянутым широким тряпичным поясом, как бандажом.

У обоих на поясах – внушительного вида тесаки, а тот, что повыше, с ходу навел на нас ствол массивного огнестрела, похожего на обрез охотничьего ружья, но со стволом раза в два толще.

– А ну, стоять! – выкрикнул он. – И руки покажите! Так, чтобы я их видел.

Второй, не сводя с нас взгляда, схватился за рукоять сабли, но пока не вынимал её из ножен.

Энки первым задрал лапки вверх. Впрочем, без малейшего испуга – кажется, происходящее его даже забавляло.

– Какие дружелюбные ребята, – усмехнулся он, оборачиваясь ко мне. – А у тебя, кстати, был какой-нибудь план на подобный случай?

Я вздохнул.

Глава 3

– Кто такие? – сварливо поинтересовался тип с огнестрелом, останавливаясь в двух шагах от нас и окидывая обоих изучающим взглядом. – Ну-ка покажите шеи!

– Шеи? – удивленно переспросил Энки.

– Глухой, что ли? Хочу проверить, нет ли на вас рабских ошейников.

– Мы не рабы. И убери пушку, – проворчал я, держа руки на виду и стараясь не показывать своего раздражения. – Вы сами-то кто?

– Не твоё дело, бродяга! Лучше выворачивайте карманы! – тощий требовательно качнул стволом.

– Иначе что? – холодно поинтересовался я.

Мысленно я уже прикинул, как ускользаю на изнанку и выныриваю через пару секунд, загоняя наглецу между лопаток полметра отточенной стали. Удерживал меня лишь здравый смысл. Начинать разведку с убийства местных – так себе затея. А убивать тогда придётся обоих, чтобы замести следы.

– Иначе мозги тебе вышибу! – процедил бандит, вскидывая огнестрел выше. Шагнув ближе, он едва не уткнул мне дуло прямо в лицо.

На этом терпение моё кончилось. Я посмотрел в черный зрачок дула, потом поверх него, встретившись взглядом с грабителем… И одним резким движением вырвал ружьё у него из рук. Это оказалось проще простого – по скорости реакции и движения я сейчас сильно превосходил обычного человека. Получилось совсем как в той сцене из второго «Терминатора» – тощий и сообразить ничего не успел. А я ещё и вдобавок двинул ему прикладом в зубы.

Коротко охнув, бандит отшатнулся, хватаясь за лицо. Его приятель дернулся было, вытягивая тесак из ножен, но я зыркнул на него так, что он замер.

– Только попробуй – и обнаружишь эту железяку у себя же в пузе, – спокойно, но веско проговорил я.

Он медленно вложил оружие обратно в ножны, до щелчка, и примиряюще поднял руки, не сводя с меня вытаращенных от удивления глаз.

– Ну, так кто вы? – повторил я.

– Мы… это… Охраняем караван Нарета. Это купец из Хамунда. Во-он там его стоянка, – торопливо объяснил сутулый, не то заискивающе кивая, не то просто вжимая голову в плечи от страха.

– Хороши защитнички, – усмехнулся я. – Больше на бандитов смахиваете.

– Какие уж есть, – обиженно буркнул горе-грабитель. – Ту охрану, что была у Нарета, номады перебили ещё на пути в Пасть. Он тогда провиант вёз для крепостей Дозора. Решил сэкономить, так что нанял всего троих. Он и сейчас торговался с нами за каждую лепту. Жадная сволочь.

– Ну, а здесь-то чего шастаете? А кто стоянку охранять будет?

– Да есть там еще несколько наших. Да и вообще… Мы и не то, чтобы охраняем. Так, на подхвате. Раз уж купцы здесь застряли, им нужны те, кто хорошо эти места знает. Ну, там, дров раздобыть, воды, живность какую-нибудь забить в пустошах…

Его подельник, наконец, отошёл от удара и, сплёвывая кровью из разбитой губы, взглянул на меня с неприкрытой злобой. Но смолчал – кажется, он из тех, кому не нужно повторять урока. Правда, поворачиваться к нему спиной я бы в ближайшее время точно не стал.

– А вы, стало быть, не из Хамунда? – уточнил я.

– Да местные мы, из Крысиного замка. Векс Хрипатый у нас за главного…

– Кто такой? Чем вообще промышляете?

Сутулый замялся.

– Да так… Всем понемногу. Когда караванов на тракте мало, обычно проводниками нанимаемся в вольные земли. Бывало, что и с северными номадами торговцев сводили напрямую. Сейчас это уже, правда, опасно. Так что чаще просто в охрану нанимаемся. От Пасти до Крысиного замка, на юг тоже особо не суёмся.

Я кивнул на раскинувшиеся, докуда хватало глаз, стоянки караванщиков.

– А что, здесь всегда так после Жатвы? Похоже на затор какой-то.

Сутулый хмыкнул и неуверенно улыбнулся.

– Ну, дык ещё бы! Ты чего, не слышал, что ли?

– О чём?

– Дык мост южный обвалился! То-то переполох сейчас по всей округе. Караванщики здесь надолго застряли. Да и все остальные, что из Пасти сейчас поедут.

– Вот это да… И как будут выбираться?

– Да кто их знает, – пожал он плечами. – Кто-то к крепостям разворачивается. Кто-то решил сразу в обход податься. Но чаще всего здесь лагерем встают. Наверное, будут ждать, пока мост восстановят. Но на это не одна неделя уйдёт. А кто-то говорит, что и до осени провозиться могут.

– Тогда какой смысл ждать?

– Так в обход-то крюки немалые – что через север, что через юг. Тоже долго тащиться придётся. И к тому же бездорожье везде, а повозки у многих и так под грузом трещат. Да и вообще – чем дальше от тракта, тем больше шансов нарваться на номадов. Они сейчас злющие. Какой-то новый главарь у них, кучу банд под себя подмял. Чуть ли не новым Калатуром себя объявил.

– Ну, а чего тогда хмурые такие? – усмехнулся я. – Выходит, работы таким, как вы, подвалило.

Они лишь мрачно переглянулись.

– Пушку-то отдай, – наконец, подал голос тощий и даже протянул руку за оружием.

– С какой стати? – искренне удивился я и окинул взглядом огнестрел – будто только что его увидел.

Пушка, к слову, была дрянная, это даже на мой неискушенный взгляд было видно. Явно не с Земли. Примитивный дробовик с коротким дулом. Древний, как копролит мамонта, ствол изрядно побит ржавчиной. Заряжается, кажется, с казенной части.

Я отыскал нужный рычажок и переломил оружие, заглядывая в патронник…

– Да оно не заряжено, – оправдывающимся тоном пояснил тощий. – Я его сам недавно нашёл. А патронов подходящих ещё не раздобыл.

– И ты угрожал мне незаряженной пушкой? – холодно уточнил я.

Горе-бандит ещё явственнее засопел, глядя на меня исподлобья.

– Отдай, а? – повторил он, шмыгнув носом. – А то Векс меня точно прибьёт. Он и так сейчас злющий, как пёс.

После недолгих колебаний я перехватил дробовик за ствол и протянул тощему. Он радостно ухватился за оружие, но отпустил я его не сразу, задав напоследок ещё несколько вопросов.

– А из-за чего мост-то обвалился?

– Да кто ж знает! Мы с ребятами в «Котелке» были. Кабак такой, в подвалах замка. И тут как громыхнуло! Задрожало всё…

– Землетрясение?

– Не похоже, – подал голос второй бандит. – Не бывает их здесь. Кто-то болтает, что взорвали…

– Сам-то что думаешь?

– Да я-то что? Я и не помню толком. Драка как раз была. Меня та баба-жнец вырубила. Я как очухался – уже и закончилось всё. А на мост даже и не ходил смотреть. Так, со стены видел, издалека. Векс всю шайку потом увёл из замка – солдаты там всех подряд трясти начали, проверять. А у нас это… Ну, в общем, лишний раз рожи светить не надо.

– Баба-жнец? – переспросил я.

Регина? Только этого не хватало… Но, скорее всего, это она, кто же ещё. Насколько я понял, женщины среди Жнецов – большая редкость.

– Ага, – закивал, поддакивая, тощий. – Вот мы страху-то натерпелись! В «Котелок» зашла краля такая. Мы вроде к ней, а она – хрясть! Хрясть! Раскидала всех, как щенят.

Он, поморщился, трогая подживший синяк на скуле.

– И что ей было надо? Она до сих пор в замке?

– Да откуда ж нам знать-то? Говорю же, свалили мы из замка сразу после того.

– Ну, а когда это было-то?

– Дык это… Дня три назад?

– Какие три, дубина? – напарник отвесил ему подзатыльник. – Мы на Нарета батрачим уже четвертый день. А это было ещё до того, вечером…

– Ладно, не суть, – отмахнулся я. – А о Харуле Полудемоне ничего не слышали? Знаменитый охотник на чудовищ. Говорят, должен был быть в Крысином замке как раз несколько дней назад.

Оба бандита задумчиво скривились, переглянулись. Первым подал голос тощий.

– Не слыхали. Охотник на чудовищ… Да в этих краях так любого можно назвать! Тут всяких тварей всегда, как грязи.

– Ладно, – проворчал я. – Толку от вас никакого, как я посмотрю. Валите отсюда. И лучше бы вам не попадаться мне больше на глаза.

Ружье я всё-таки отдал – никакого смысла таскать этот хлам я не видел, тем более без патронов.

Парочка незадачливых наёмников, то и дело оглядываясь, потопала прочь, по направлению к одному из лагерей торговцев. Когда они отошли подальше, Энки спросил меня:

– Ну, и что думаешь делать?

Я не торопился с ответом, внимательным взглядом окидывая лагеря караванщиков. Мы стояли на небольшом возвышении, отсюда неплохо просматривался довольно обширный участок тракта и окрестности по обе стороны от него. Амальгамные линзы помогали вычленить в этой картине отдельные элементы – людей, костры, крупных животных.

– Думаю, обрушившийся мост – не такая уж большая проблема для нас. По крайней мере, я-то точно смогу перебраться на другую сторону через изнанку. К тому же, когда ты показывал мне Лиску, то я заметил ещё один мост через каньон. Подвесной.

– Да, он, кажется, где-то к северу отсюда. Точнее не скажу, надо будет выведать у местных. Хочешь пойти по следам похитителей?

– Конечно. Боюсь, правда, что следы эти уже остыли. Но других у нас всё равно нет. Надо хотя бы попытаться. Но тут не обойтись без помощи кого-то из местных.

– Думаешь раздобыть проводников? – понимающе кивнул Энки. – Но тогда нам нужен кто-нибудь получше, чем те двое.

– Это уж точно, – усмехнулся я и, кивнув в сторону тракта, первым зашагал вперед.

Шли мы не торопясь. Не переставая чутко оглядывать окрестности, переговаривались вполголоса.

– Я поэтому и расспрашивал про Харула, – продолжил я. – Толковый мужик, я познакомился с ним в Пасти. Возможно, он тоже не успел уйти на юг и застрял здесь.

– Его поиски в такой толпе могут затянуться.

– Давай хотя бы попробуем. Фигура он всё же заметная. Заодно в целом осмотримся. Может, и в замок стоит наведаться. Если уж затевать экспедицию в пустоши, то надо хотя бы запастись провиантом.

– Всецело согласен, – кивнул Энки. – Не сочти меня невежливым, я очень ценю твои старания. Но мне уже надоело питаться полусырым обгорелым мясом.

– Так ты уже определись, сырое оно или горелое…

– Это философский вопрос, Ян. Как с той недопитой чашей с вином – она наполовину пуста или наполовину полна?

Я лишь усмехнулся.

– Но меня больше интересует другое. Я много наблюдал за жизнью смертных со стороны. Однако сейчас, фактически оказавшись на месте одного из вас, понял, что многого не знаю. Например, как мы будем добывать еду и всё остальное? У нас ведь нет денег. Предлагаешь отнять у кого-то? Или воровать?

Я и сам задумывался над этим. Конечно, с моим даром можно легко проникать в запертые помещения или незаметно пробираться в палатки и фургоны торговцев и брать, что угодно. Но вся моя натура протестовала против этого. Как-то это всё мелко и мерзко. Это так-то я собираюсь завоевать этот мир? Начиная, как обычный мелкий воришка?

К тому же, против этого подхода выступал и здравый смысл. Чтобы вести своё расследование, мне нужно будет много путешествовать по Аксису, расспрашивать людей. Но кто откроется какому-то сомнительному бродяге? Мне нужно какое-то внятное прикрытие. Кто я? Куда иду? Чем зарабатываю на жизнь?

Решение у меня возникло давно, ещё по дороге к каньону, и чем больше я его обдумывал, тем больше склонялся к тому, что это лучший для меня вариант. Может, конечно, я просто пошёл по пути наименьшего сопротивления, да и ориентиров в этом чужом мире у меня было не так уж много. Но, пообщавшись с Харулом, я уже знал, что здесь в ходу странствующие охотники на монстров. Этакие ведьмаки.

И чем я хуже? Уже сейчас амальгама в сочетании с даром ныряльщика даёт мне хорошие шансы справиться с любым монстром. Да и для того, чтобы выслеживать их, тоже кое-какие инструменты имеются. Так почему бы не составить конкуренцию Полудемону?

Но самое главное – эта работа может быть хорошим прикрытием для поиска членов Красной руки. Под предлогом выслеживания очередного вампира или оборотня можно будет расспрашивать местных, не замечали ли они каких-то странных мест или знаков. Да и вообще, какие слухи ходят в этих местах. Ну не может Красная рука совсем уж не оставлять следов. Если это достаточно большой культ – то где-то можно будет ухватиться за ниточки, по которым вытянуть весь клубок.

Вот только пока непонятно, что делать с Энки. Похоже, какое-то время нам предстоит путешествовать вместе. Ему-то какую легенду придумать? Напарник? Или, скорее, помощник?

Я на ходу окинул бывшего Козлоногого изучающим взглядом.

Откровенно говоря, на истребителя монстров он не похож от слова совсем. Как и вообще на человека, зарабатывающего на жизнь мускулами. Уж скорее на стареющего аристократа, которого ограбили на большой дороге и вынудили пройти сотню километров пешком. При этом, даже если привести в порядок его потрепанное кожаное пальто и прочую одежду, или вовсе заменить их, сильно лучше не станет. У него на самой физиономии написано, что это какой-то крайне мутный тип, и верить такому нельзя ни на грош.

Энки, запрокинув голову, осушил остатки вина из очередной выуженной из воздуха бутылки, а саму тару беспечно отбросил в сторону. Поймав мой взгляд, вопросительно изогнул бровь.

– Ну, так что скажешь?

– Да так… Подумал тут, что из меня выйдет неплохой охотник на местную нечисть. Этим вроде бы вполне можно зарабатывать на жизнь.

– И то верно, – одобрительно кивнул демон. – Думаю, после Жатвы у таких чистильщиков изрядно прибавилось работы. На крайний случай, можно просто наняться в охрану к кому-нибудь из торговцев. Если уж у тех двоих это получилось, то у тебя-то тем более. Вид у тебя вполне бравый.

– Думаю, ведьмакам всё же платят больше, чем обычным наёмникам. Но тоже вариант, да. Но вот что делать с тобой?

– В каком это смысле?

– Тебе тоже нужна легенда. И желательно какой-то способ заработка. На роль напарника ведьмака ты, уж извини, не очень подходишь. Ты вообще умеешь сражаться?

– Имеешь в виду, махать заточенной железякой, пытаясь проткнуть кого-нибудь? Не самое достойное для меня занятие.

– Так предложи другое. Может, у тебя получится использовать остатки своей силы для каких-то мирных занятий? Вино ты, к примеру, ловко сотворяешь. Может, освоить ещё какие-нибудь полезные фокусы?

– Фокусы? – переспросил Энки таким тоном, что вокруг меня разве что земля инеем не покрылась.

– Не хотел тебя обидеть, – быстро исправился я. – Я же не говорю о том, чтобы развлекать толпу. Но твои… способности могли бы помочь нам освоиться здесь. Да и вообще, нам нужен план на случай, если нас остановят какие-нибудь стражники, например. Правдоподобное объяснение, кто мы и откуда.

– Хорошая мысль… Ну, допустим, я твой наниматель. Я… маг. И мне нужны для моих экспериментов части тел чудовищ Скверны. Но при этом их нужно извлекать из тел особым образом, так что я не могу доверить это занятие обычному убийце. Так что сопровождаю тебя на охоте, чтобы отслеживать надлежащее выполнение заказа.

– Ну, что ж, звучит складно. Наверное…

– Тебя что-то смущает?

Я ещё раз окинул его с ног до головы красноречивым взглядом и он, наконец, обратил внимание на свой внешний вид. С заметным удивлением поскрёб ногтем пятно на рубашке.

– Ах, ты об этом… Я как-то совсем упустил это из виду.

Он на ходу начал отряхиваться и приглаживать на себе одежду. Учитывая её плачевный вид, это казалось бессмысленным, однако я поспешил с выводами. За считанные секунды его наряд, до этого больше похожий на лохмотья профессионального бродяги, быстро преобразился. Из всех старых деталей остался только длинный кожаный плащ с жестким воротником-стойкой. Он по-прежнему выглядел поношенным, с потертостями на швах, но уже без дыр и пятен. Зато всё остальное преобразилось. Кожаные дорожные штаны, плотная жилетка поверх шёлковой рубахи кроваво-алого цвета. Изящные сапоги на, пожалуй, излишне высоких каблуках. Широкий пояс с гроздью каких-то дорожных аксессуаров…

В общем, я и опомниться не успел, как из запыленного оборванца Энки превратился в этакого респектабельного джентльмена времён викторианской Англии – подтянутый, приталенный, сочетающий элегантный лоск с небольшой толикой небрежности. На голове его невесть откуда появился чёрный шелковый цилиндр, нос украсило пенсне с круглыми задымлёнными стеклами. Что было очень кстати, поскольку разноцветные глаза демона по-прежнему выдавали в нём существо не совсем обычное.

В целом, образ был несколько эксцентричный. Но на Аксисе такое разнообразие культур и стилей, что это вряд ли кого-то удивит.

– Так лучше? – вскинул брови новоявленный маг.

– Сгодится. Только чего ты раньше не говорил, что так умеешь? Может, и мою одежду слегка того… починим?

Энки лишь снисходительно усмехнулся и кивнул в сторону дороги, явно пытаясь отвлечь моё внимание.

– Смотри-ка. Кажется, богатый караван. Может, там пригодятся наши услуги?

Мы по-прежнему двигались в некотором отдалении от тракта, идя вдоль него по направлению к Крысиному замку. Стоянки располагались в стороне от самой колеи, и были натыканы совершенно хаотично. Но лагерь, который мы увидели, пройдя с полкилометра к юго-востоку, по другую сторону дороги, выделялся среди прочих.

Поначалу я даже подумал, что это стационарные укрепления – целый забор из железных прямоугольных щитов, стрелковые башенки метров четырех в высоту, большие полотняные шатры, возвышающиеся над оградой. Но подойдя ближе, убедился, что в основе всего этого – всё те же поставленные в круг повозки. Точнее, тяжелые закрытые фургоны на широких обрезиненных колесах. Среди них я с удивлением заметил даже две земные фуры. А чуть поодаль увидел и два тягача, по соседству с которыми мирно жевали корм несколько колгаров. Этот контраст, как и в крепостях Дозора, здорово бросался в глаза.

Ого! Используют трофейный транспорт. А топливо где берут? Впрочем, до Пасти не так уж далеко, вполне можно было доехать на тех остатках, что были в баках. Главное, чтобы топливо и сами двигатели не оказались сильно повреждены игнисом. В общем-то, и до Хамунда можно добраться – тут от Крысиного замка километров пятьдесят-семьдесят по прямой.

– Да, выглядит внушительно, – согласился я. – Давай попробуем взглянуть поближе.

Мы вышли, наконец, на тракт, и влились в царящее здесь броуновское движение. Когда я рассматривал скопление караванов со стороны, то решил, что вся эта суета связана с паникой и раздражением из-за непредвиденной задержки. Но, неторопливо пробираясь между разномастными фургонами и ловя обрывки разговоров, понял, что это не совсем так.

Затор образовался несколько дней назад, так что обозные уже давно прошли через все стадии от гнева до принятия. Да и до Крепостей Дозора новость уже наверняка давно дошла. Так что, судя по всему, те, кто в итоге остался здесь, на подступах к Крысиному замку или на самой его территории, уже настроились на долгую стоянку. Поэтому сейчас они занимались рутинными насущными вещами – обустраивали лагеря, искали горючее и провиант. Многие уже вовсю торговали товарами, которые везли из Пасти – для этого были обустроены небольшие пятачки со сколоченными из подручных материалов прилавками. В основном, как я понял, пытались избавиться от скоропортящихся вещей, или просто обменивались на дополнительные запасы провизии и чистой воды.

И с тем, и с другим, похоже, дела обстояли неважно. По пути мы наткнулись всего на один колодец, и очередь к нему выстроилась, как к мавзолею. А чуть поодаль какой-то торгаш продавал воду, разлитую по бутылкам и бурдюкам. Позади него маячил дюжий телохранитель, впереди – тощий мальчишка-раб с тонким железным ошейником на шее. Мальчишка охрипшим голосом выкрикивал цену:

– Вода! Вода! Чистейшая питьевая вода! Десять лепт за секстарий, талан с четвертью за семодий!

При этом в одной руке он держал небольшую стеклянную бутыль объемом меньше литра, а в другой – бурдюк литров на пять, что помогло мне сориентироваться в местных мерах объема. Я сделал соответствующую пометку в своих записях.

К слову, это уже начало входить в привычку. Точнее, заметки я и на Земле постоянно вёл, но тогда пользовался смартфоном. Без него было неудобно, но я постепенно приспособился использовать для дневника интерфейс амальгамы.

В местной денежной системе я пока слабо ориентировался. Из архивов амальгамы знал лишь, что самая ходовая валюта на Аксисе – это серебряные таланы, и в каждом талане –

по шестьдесят лепт. Но всё равно было понятно, что цены на питьевую воду торгаш ломит дикие. Прохожие комментировали выкрики зазывалы исключительно ругательно, кто-то даже ворчал, что за такие деньги можно и пива купить. Но при этом очередь всё равно выстроилась приличная.

Мы немного задержались, проталкиваясь через эту толпу. В давке какой-то пацан попытался обшарить мои карманы, но, получив звонкий шлепок по рукам, быстро смылся. Я проверил, не пропало ли чего, и дальше передвигался с удвоенной бдительностью. Впрочем, всё самое ценное у меня всё равно в Суме фокусника.

По пути к лагерю с тягачами я понял, что, возможно, зря беспокоился за наш с Энки внешний вид. Здесь он не особо привлекал внимание. Многие из встречающихся на нашем пути местных выглядели не меньшими оборванцами, чем я. Да и вообще после нескольких дней на тракте видок у многих был так себе, а уж амбре стоял такой, что я даже пожалел о своём обострившемся нюхе. А ещё с новой силой затосковал по нормальному горячему душу, с мылом и мочалкой.

– Эй, куда прёшь! – огрызнулся на меня худощавый мужик, тащивший на горбушке мешок с чем-то сыпучим. Я нечаянно толкнул его, засмотревшись на всадника, прущего прямо через толпу верхом на необычном двуногом скакуне, похожем на помесь страуса с каким-то ящером. Всадник, похоже, был из высокородных гракхов – похожие доспехи я уже видел в Пасти. Простолюдины торопливо расступались, освобождая ему дорогу.

Мужик с мешком, разглядев меня получше, сгорбился и отвернулся, поспешив дальше. На его шее я увидел тонкий железный обруч с надписями.

Ещё один раб. Их попадалось довольно много на пути. Выглядели они совершенно поразному, некоторые даже вели себя довольно уверенно и одеты были прилично. Но объединяло их одно – эти вот аксессуары на шее. Большинство рабских ошейников представляли собой замкнутые стальные обручи, но у некоторых выглядели побогаче, даже с украшениями.

– Погоди-ка! – окликнул я его.

Носильщик сделал вид, что не слышит и ускорил шаг. Я догнал его и удержал за плечо. Тот сжался, будто в ожидании удара.

– Простите, доминус, – поклонился он. – Я не хотел вас оскорбить.

Взгляд его заметался, быстро перебегая с меня на Энки. Наконец, мужик ещё раз поклонился уже Козлоногому – ещё ниже, так что мешок едва не сполз с его плеч.

Да уж. Встречают по одёжке.

– Да не бойся ты, мы тебя не тронем. Скажи только – не знаешь, чей это лагерь?

Я указал на укрепленную стоянку, рядом с которой стояли тягачи. Отсюда уже можно было даже разглядеть их марку. «Вольво».

– Это лагерь Айвра Волкобоя, – проговорил он, и в голосе его явственно прозвучало презрение, смешанное со страхом. – Он только сегодня утром прибыл, но моего хозяина с места согнал. Теперь вот переезжаем подальше.

Он мотнул головой, показывая направление.

– Что ж вы так не ужились-то?

– Да он расширять стоянку хочет. Хотел в замок прорваться, но там уже места нет. Так что будет здесь обустраиваться. А раз надолго здесь застрянет, то его товару больше места понадобится.

– А что у него за товар?

– Ты что, не слышал про Волкобоя? – недоверчиво скривился мужик. – Люди – его товар.

Он, не дожидаясь последующих расспросов, рванул дальше, и я не стал его останавливать. Лишь внимательнее присмотрелся к лагерю, сам не замечая, как ладони крепко сжались в кулаки.

Работорговец, значит. Ну, уж нет, вряд ли мы с таким сработаемся. Ведь товар его – из Пасти, так что там сплошь мои соотечественники. Даже возникла шальная мысль устроить какой-нибудь побег или восстание. Но я тут же отбросил её. У меня сейчас для такого нет возможностей. Да и бедолагам, попавшим в рабство, некуда будет податься в случае побега. Тут на десятки километров кругом – пропитанные игнисом пустоши.

Освобождением рабов можно будет заняться позже, изучив, какие для этого вообще есть пути. А для начала мне самому надо крепко встать на ноги.

Я всё же решил посмотреть на логово Волкобоя вблизи, хотя и подозревал, что увиденное мне вряд ли понравится. Работорговля – неотъемлемая часть жизни на Аксисе. И отворачиваться от этого не получится. В конце концов, надо знать своего классового врага в лицо.

У входа в лагерь нас окликнул один из стражников, стоящих по бокам от прохода. Выглядел он внушительно – мускулистый бугай с копьём, парой здоровенных ножей на поясе и компактным самострелом, похожим на те, что я видел у Жнецов гракхов. Его напарник и вовсе стоял, забросив на плечо массивную огнестрельную винтовку грубоватой конструкции. Впрочем, в районах, подверженных постоянному воздействию игниса, чем проще конструкция – тем она надёжнее.

– Постой! Кто таков?

Окрик был громким и строгим, но не наглым. Правда, я заметил, что смотрит громила куда-то мимо меня.

– Меня зовут Малик Тареш Энкивилад, – вдруг подал голос Энки, поправляя пенсне. – Странствующий маг и торговец редкостями. А это мой… спутник и телохранитель. Хочу посмотреть на товар достопочтенного Айвра. Наслышан о его деловой хватке.

Я молча расправил плечи, заложив большие пальцы рук за пояс.

– Господина нет в лагере, – проворчал громила, с подозрением оглядывая нас.

– Не страшно, – беспечно отозвался Энки, шагая вперед. – Я пока просто осмотрюсь.

Громила при его приближении явно занервничал. Переглянулся с напарником, быстро скользнул взглядом по той части тракта, что шла к замку.

– Эм-м… Лучше дождаться хозяина. Он не любит, когда в лагере посторонние.

– Ну, так необязательно говорить ему о нашем визите раньше времени, – сладко улыбнулся демон и вдруг после эффектного пасса руками вытащил из пустоты бутылку вина.

Охранник дернулся было от резкого движения, но, увидев фокус, вытаращил глаза.

– Небольшой подарок, – Энки протянул ему бутылку. – Должно быть, стоять здесь весь день невыносимо скучно. Почему бы не промочить горло отменным красным вином?

– Прохладное… – пробормотал громила, принимая бутылку и ощупывая её, будто пытаясь убедиться, что это не иллюзия. Судорожно сглотнув, снова воззрился на демона. – Но хозяин…

– Расслабься. Мы быстро, – улыбнувшись, похлопал его по плечу Энки, уже направляясь в проход. Я последовал за ним.

– Только не трогайте товар! – вдогонку крикнул нам второй охранник. – Хозяин этого страсть как не любит!

Энки небрежно кивнул и зашагал дальше. Надо признать, держался он в своей роли уверенно и вполне органично, так что местные на каком-то инстинктивном уровне признавали в нём высокородного. В конце концов, здесь только высокородные могли позволить себе вести себя столь нагло.

– А ещё лучше – я вас провожу, – догнал нас первый, пряча бутылку в небольшую суму, висящую у него за спиной. – Всё покажу, расскажу. Спрашивайте!

Энки снова кивнул – на этот раз благосклонно. Заложив руки за спину, он неспешным шагом направился в обход лагеря. Охранник пристроился по левую руку от него. Я следовал за ними чуть позади. Признаться, немного нервничал, хотя внешне это вряд ли проявлялось.

Тема рабства меня почему-то здорово задевала. Может, потому, что мне и самому была уготована такая судьба, если бы не счастливое стечение обстоятельств. И теперь я мог воочию увидеть, где бы я был, если бы оставался обычным человеком.

Лагерь встретил нас густой смесью запахов давно не мытых тел, железа, машинного масла, колгарьего навоза, дыма от костров, пара от котелков с каким-то съедобным варевом. На относительно небольшом огороженном участке было сконцентрировано очень уж много народу, а высокий забор из плотно подогнанных железных щитов не давал запахам быстро развеиваться.

Первое, что бросилось в глаза – это решётки. Большинство выстроенных в круг фургонов, по сути, представляли собой клетки на колёсах, прикрытые съемными листами брони. Сейчас большую часть этих листов сняли и закрепили на внешних стенках так, чтобы сформировать забор, так что хорошо было видно, кто находится внутри.

Людей было много. В каждый такой фургон-клетку размером с небольшой пассажирский ПАЗик, было набито человек по сорок-пятьдесят. Теперь понятно, почему хозяин расширяет лагерь – долго в таких условиях пленники не протянут. Судя по грязным изможденным лицам, им и пара дней в пути далась непросто.

Охранник подтвердил мои мысли.

– Пока приходится держать товар в повозках. Но, раз уж мы застряли здесь, придется построить клетки попросторнее. Хотя, может, часть спихнём уже здесь. Кроме вон тех – их хозяин отбирал для продажи в Орхамасе. Отличный материал для бойцовских ям, ланисты хорошо платят за таких. Да и сам хозяин знает в этом толк.

Часть клеток была открыта, и многие пленники сидели или бродили неподалёку под присмотром надзирателей. В основном это были женщины и дети. В запертых, судя по всему, держали самых строптивых – как раз из числа потенциальных гладиаторов. Проходя мимо одной из таких клеток, я ловил на себе мрачные, исподлобья, взгляды. Сплошь мужчины, молодые, не старше сорока, многие крепкого телосложения – это легко было оценить, поскольку большинство были раздеты по пояс. Духота в лагере стояла такая, что все блестели от пота.

Сам я, к слову, почти не потел, хотя и чувствовал, будто меня обернули с ног до головы в какую-то плотную пленку. Видимо, побочные эффекты от формирования «Колгарьей кожи». Надеюсь, пройдет через пару дней.

Проходя мимо пленников, я поймал себя на том, что избегаю встречаться с ними взглядом. И подсознательно боюсь, что попадётся кто-то знакомый – например, из тех ребят, что были в отряде Караева. Но потом вспомнил, что все они были выкуплены Данактом Ортосом и освобождены. Сюда никто из них не должен попасть.

– А это шатёр хозяина? – поинтересовался Энки, указывая на одну из больших палаток в дальнем конце лагеря.

– Нет. Хозяин, скорее всего, остановится в замке. А в том шатре – бабы, – охранник заметно оживился. – То есть, простите, доминус, не знаю как это сказать-то по-благородному… В общем, молодые, свежие. Некоторые достойны стать наложницей хоть у главы прайда! Интересует?

Энки неопределенно повел плечами и оглянулся на меня. Я красноречиво зыркнул на него.

– Нет, меня интересует скорее… особый товар. Видишь ли, я изучаю Красную порчу…

– Порченого у нас нет! – категорично замотал головой охранник. – У хозяина с этим строго – только отборнейший товар!

– Жаль. А кто это у вас там так кричит?

Несмотря на большую скученность, в лагере было относительно тихо, поэтому крики сразу обращали на себя внимание. Доносились они со стороны навеса, сооруженного в дальнем конце ограды. Орал кто-то один. Не постоянно, с перерывами, но с таким надрывом, что

напрашивались мысли о пытках. Тем более что я уже разглядел человека, лежащего на большом столе. Над ним сгрудились четверо, держа по рукам и ногам и наваливаясь всем телом.

– Да так… – замялся охранник. – Недоглядели тут за одним. Хозяин распорядился…

Я, не обращая внимания на предупредительные окрики, быстрым шагом направился к палатке. В груди закипала злость, которую я с трудом смог подавить.

Впрочем, я быстро убедился, что зря вспылил.

К моменту, когда я подошёл, все четверо, удерживающие пленника, подались чуть назад, расслабляясь. Все они тоже были из числа рабов – это было видно по земной одежде. На столе лежал молодой парень, бледный и взмокший от пота. В зубах он зажимал какую-то деревяшку, которую уже успел изрядно погрызть.

Над ним склонился худощавый невысокий мужик лет пятидесяти, тоже голый по пояс, как и многие здесь. На левом плече его темнела старая татуировка с якорем и каким-то буквами. Похоже, армейская. Приблизившись, я увидел разложенные на тряпице в углу стола окровавленные ножи, щипцы, мотки серой ткани, которая, видимо, должна была служить бинтами.

Похоже, парню на столе только что оттяпали пару пальцев на ноге. Без наркоза.

– Ну, потерпи ещё немного, – ободряюще проговорил хирург по-русски. – Совсем чуть-чуть осталось, перевязать только… Так, ты чего отпустил-то? Держи крепче!

Это уже рявкнул совсем другим тоном, и помощник виновато вжал голову в плечи.

– Да я думал…

– Думал он, бл… Держи крепче, говорю! Это вот подложи под колено… А где вода?

– Кончилась.

– Да как, твою мать, кончилась?! Я же сказал, набрать вот сюда и сюда!

– Ну кончилась, дядь Кость, – развел руками один из парней. – Я что сделаю? У этих сволочей же хрен допросишься чистую…

– Ладно, дай тогда хотя бы вон ту тряпку, руки обтереть…

Я мысленной командой открыл Суму, нашёл взглядом бутыль с водой. Судя по описанию этого артефакта, во время прыжков по Осколкам эта бутылка «перезагружалась» после каждого прыжка. Однако и вне Лабиринта это свойство работало – я в этом убедился за время нашего с Энки перехода через пустоши. Вода в ней постепенно восполнялась – медленно, незаметно. Но, стоило заглянуть в Суму спустя несколько часов – как бутылка вновь оказывалась полна. Вроде бы мелочь, но из таких, что вполне может однажды спасти жизнь.

– У меня есть немного, – сказал я по-русски, подходя вплотную к столу. Достал бутылку, полил из неё так, что хирург смог вымыть руки.

На меня он взглянул лишь мельком, коротко кивнув в знак благодарности. И тут же снова занялся пациентом. Один из помощников подал ему кривую иглу, подержав её перед этим над пламенем свечи. Хирург вдел в неё нить и начал аккуратно, но быстро зашивать кожу на обрубках пальцев. Парень снова начал стонать и извиваться от боли, двое помощников придерживали его за плечи.

Энки, достав из внутреннего кармана плоскую серебряную фляжку, молча поднёс её к лицу бедняги. Хирург даже приостановился, чтобы помощники немного приподняли парня и вытащили у него изо рта кляп. Глотнув из фляги, он закашлялся, но потом быстро обмяк. Взгляд его затуманился, и остаток операции он пролежал молча, глубоко и размеренно дыша.

Закончив со швами, хирург наложил плотную повязку и только после этого повернулся ко мне, окинув усталым, но цепким взглядом.

– Ну, здравствуй, Ян. Я так и знал, что мы ещё встретимся.

Я кивнул и пожал его узкую крепкую ладонь.

– Здравствуйте, Константин Игоревич.

Глава 4

У Константина была короткая необычная фамилия – Шаль. Причем у меня она вызывала ассоциации не с пуховым платком, а скорее с состоянием некоего куража, безрассудства. Хотя самому хирургу эта характеристика тоже не подходила – шальным его уж точно не назовёшь. Наоборот, кажется, что бы ни происходило вокруг, он остаётся спокойным, собранным, до цинизма хладнокровным. Таким я его запомнил по первой нашей встрече – там, в Долине Багровой пасти, когда он впустил меня в свою квартиру после того, как меня здорово подрали зараженные игнисом ротвейлеры.

Это было в первое утро после катаклизма, и с тех пор, кажется, прошла уже целая вечность. Всё-таки не зря говорят, что жизнь меряется не годами, а пережитыми впечатлениями. Я уже с трудом помнил о своей прежней, земной реальности – настолько всё изменилось всего за несколько дней. Впрочем, не только у меня. Так можно сказать о любом жителе города, попавшего в Пасть.

Но сейчас, увидев знакомое лицо, я будто снова вернулся в прошлое, а родной мир, растворившийся где-то в водовороте событий, снова напомнил о себе. Я обрадовался, хотя и знакомы-то мы с Шалем были шапочно. Но, увы, никого более близкого с Земли у меня не осталось. Макс погиб, Лиску похитили, Караев и остальные из его отряда, должно быть, сейчас где-то под присмотром у Дома Мэй. А тут – такая весточка из прошлой жизни…

Энки, заболтав охранника, увёл его дальше, выиграв немного времени, чтобы я мог переговорить с Шалем. Кажется, не обошлось без какого-то гипноза или еще одной взятки.

– Тебя прямо не узнать, – усмехнулся доктор. – Выглядишь совсем как местный.

– Хорошо, если так. Стараюсь не выделяться. У вас-то как дела?

– Лучше всех, – с сарказмом отозвался он, провожая взглядом помощников, которые оттащили прооперированного подальше в тень и теперь укладывали его на землю, подстелив какое-то тряпьё. – Даже, как видишь, практикую потихоньку.

– Что с ним?

– А, банальная история. Перелом пары пальцев. А дальше, без лечения и с такой антисанитарией… Могло быть и хуже.

– Здесь как оказались?

Он вздохнул, прищурился, глядя куда-то в сторону. Воспоминания явно не доставляли ему удовольствия.

– Да как, как… После того, как ты ушёл, мы ещё до вечера отсиживались по квартирам. Было относительно спокойно. Но потом пришли эти…

Взгляд его неосознанно метнулся в сторону ближайшего надзирателя, маячившего метрах в десяти от нас, рядом с открытым фургоном-клеткой.

– С тех пор всё время взаперти. Сначала нас в подвале дома держали, на следующий день переправили в какую-то крепость. Там мариновали, наверное, с неделю. А потом – сюда повезли. Но что, куда, зачем – хрен разберешь без языка. Хотя попадаются знакомые слова. На латынь похоже.

– Да, явно есть общие корни. Вам, как медику, должно быть, проще будет разобраться.

– Угу. Если бы я ещё помнил ту латынь с института, – усмехнулся Шаль. – Нас тут потихоньку учат, самым простым словам. Но это последние пару дней, пока в пути были. В крепости нами вообще никто не занимался. Согнали в загоны, как скот, разделили по небольшим группам. А дальше – только кормили да осматривали по несколько раз в день.

– Карантин.

– Думаешь? А хотя… Да, похоже на то.

Я в который раз напоролся на его внимательный, изучающий взгляд и отвел глаза. Волей-неволей я испытывал чувство вины перед ним, да и перед всеми остальными узниками. Просто из-за того, что я-то на свободе, а они тут. Хотя умом понимал, что это глупо. Что я мог сделать-то? Да и всё это время я тоже не прохлаждался.

– Ты сам как? – спросил хирург. – Смотрю, освоился. Только штуки этой золотой на руке не видно.

– А, долгая история. Расскажу как-нибудь. Когда выберетесь отсюда.

– Дочку-то нашёл?

– Нет, – помрачнев, буркнул я. – Но она жива. И я её обязательно разыщу.

– Почему-то верю, – усмехнулся он. – Ты мне показался жутко упрямым. Такие кого хочешь достанут, хоть из-под земли.

Он машинальным жестом потянулся куда-то в область груди, а потом раздражённо тряхнул ладонь. Поймав мой взгляд, пояснил:

– Да привычка дурацкая. Сигареты кончились ещё в крепости. Да и ломка уже проходит. Но руки-то помнят.

Разговор наш явно надо было сворачивать. Энки отвел нашего сопровождающего уже шагов на двадцать, но другой надзиратель – тот, что тёрся неподалёку – то и дело с подозрением поглядывал то на нас с Шалем, то на демона.

– Слушай, раз уж ты тут разобрался во всем получше моего… – полушёпотом, склонившись ко мне ближе, быстро проговорил хирург. – Что думаешь про весь это лагерь? Что с нами дальше будет?

– Ну, вы сами-то понимаете, где находитесь?

– Понятно, что это не Земля. Другая планета какая-то. И мы здесь пленники. Но что с нами будет дальше?

Я ответил, как есть, не пытаясь подсластить пилюлю. Времени на это не было, да и Шаль не кисейная барышня.

– Вы не просто пленники. Вы рабы. Вас выкупил один из местных крупных работорговцев. Теперь, как я понимаю, везёт в ближайший город. И судьба у вас соответствующая. Кого-то вон собираются в бойцовские ямы продать. Женщин – в бордели…

– Да, была и такая версия, – сокрушенно покачал головой Шаль. – Только верить в неё не очень хотелось. Ну, что ж… А этот тип с тобой что, один из покупателей?

– Нет.

– А кто?

– Тоже в двух словах не объяснишь. Но… Знаете, я ещё вернусь. Посмотрю, что можно сделать, чтобы освободить вас.

Обещание это зрело с самого начала разговора. Поначалу это были чистые эмоции, но я подтянул к этому решению и кое-какие разумные доводы. Например, то, что для моих экспериментов с амальгамой мне бы очень пригодились консультации человека с медицинским образованием. Да и вообще, один в поле не воин, и хотелось бы уже обзавестись союзниками, которые точно не связаны ни с Аксисом, ни со всякими потусторонними силами. И самое очевидное направление поисков таких союзников – это бывшие жители Земли.

Размышляя о своих стратегических целях, я даже подумывал о том, чтобы постепенно стягивать землян, объединять их, основав что-то вроде собственного Дома. Впрочем, и без этого пленники Аксиса из разных миров стараются держаться вместе, образуя диаспоры в каждом из анклавов, в которые их привозят. Это естественный процесс, когда ты попадаешь в чужую среду.

Об этом я узнал, расспрашивая Аму. Правда, узнал и о том, что арраны стараются бороться с этим явлением, и потому максимально рассеивают гелотов из каждой свежей партии, чтобы они не сбивались в большие сообщества.

– Освободить? – с лёгкой усмешкой спросил Шаль. – Всех нас? Тут вообще-то несколько сотен человек.

Я покачал головой.

– Всех – не обещаю. Я ж не волшебник. Но вот вас лично постараюсь вытащить. Услуга за услугу. Вы ведь меня выручили тогда…

– Ну, ты сравнил!

– Тем не менее, – твёрдо сказал я. – Обещаю.

Шаль озадаченно покачал головой.

– Ну, не знаю… Если думаешь организовать побег – то будет сложно. Я тут на особом счету. Видишь, вон тот тип с меня глаз не сводит.

– Почему?

– Из-за того, что я врач, видимо. Меня ещё в крепости заприметили, когда увидели, что я первую помощь оказывал нескольким бедолагам. Раненых много было. Кому раны обработать, кому вывих вправить. И отношение ко мне сразу установилось особое. Кормят лучше, оберегают. Так что, в целом-то, не бедствую.

– Но вы – раб, – жестко напомнил я. – Или, может, вас устраивает такая участь?

Он посмотрел на меня снизу вверх – внимательно, с прищуром.

– Конечно, нет. Просто… Ты мне ничего не должен. Так что не надо из-за меня рисковать. Этот тип, который здесь главный… Знаешь, с ним лучше не связываться. Тот ещё упырь. Тебе повезло, что его сейчас в лагере нет. Он свалил почти сразу, вместе со своим гробом на колесах.

– Каким ещё гробом?

– Отдельный такой фургон. Небольшой, но бронированный наглухо. Видимо, с очень ценным грузом. Что внутри – никто не видел, но охранялся он сильнее, чем все остальные, вместе взятые.

– И что внутри? Тоже рабы?

– Да кто ж его знает… – Шаль неопределённо пожал плечами. – Но что-то живое. Скорее даже монстр какой-то. Изнутри время от времени удары были слышны и рёв.

– Хм… Ладно, разберёмся. Но в одном вы правы. Побег – это плохая идея. Если кто-то в лагере думает об этом – вы лучше их отговорите. Пока бежать отсюда попросту некуда. Дикие места кругом, не выжить.

– Понял, – после заметной паузы кивнул он. – Ладно, тебе пора. У надзирателя вон терпение лопнуло.

Он, не прощаясь, развернулся и ушёл дальше под навес. Надзиратель, ошивающийся неподалёку, и правда направлялся прямиком в нашу сторону. Я, сделав вид, что не замечаю его, поспешил за Энки.

Но всё равно, конечно, я спалился. Надзиратель доложит хозяину, что кто-то посторонний разговаривал с его ценным рабом, причём на его языке. Подозрительно. Поэтому лучше встретиться с этим Волкобоем до того, как он вернётся в лагерь. И, например, попробовать выкупить у него Шаля.

Цену он, правда, наверняка заломит немалую, а денег у меня нет. Но это уже другой вопрос. Буду знать сумму – будет и ориентир.

– Нам пора, – негромко сказал я, догоняя Энки.

Тот, похоже, и сам уже заскучал изображать заинтересованного клиента. Да и лагерь они с сопровождающим обошли почти весь, и уже возвращались к воротам. Охранник с заметным облегчением спровадил нас и встал на прежнее место.

– Доволен? – спросил Энки, когда мы немного отошли от лагеря работорговца.

– А что, выгляжу довольным? – проворчал я. – Большинство моих соплеменников станет рабами у арранов. Я это, конечно, и так знал. Но лишний раз видеть это…

– И что в этом такого? – демон недоуменно взглянул на меня поверх очков. – Рабство – обычное дело для смертных. В любом из миров, в любую эпоху вы только и делаете, что бьётесь за власть друг над другом. А если не удаётся подчинить кого-то – то уничтожаете. Не думаю, что твой род в этом смысле сильно отличается от арранов.

– Да, да, – проворчал я. – Старая песня о том, что смертные по природе своей склонны к саморазрушению. Я это и сам понимаю. Но от этого не легче. Да и вообще, я не могу быть объективным в этом вопросе.

– Потому, что среди рабов оказался кто-то из твоих знакомых?

– В том числе. Да и вообще, выходцы с Земли – это моя последняя связь с родиной. Думаю, мы должны помогать друг другу.

Энки безразлично пожал плечами.

– Как скажешь. Мы ведь договорились – я буду помогать тебе в любых начинаниях. И какой у тебя план?

– Наведаться в замок и разыскать Айвра Волкобоя. Ты, когда болтал с его охранником, ничего интересного про хозяина не выведал?

– Разве что узнал происхождение его прозвища. Волкобой – это такая тяжелая плеть с грузиком на конце. В умелых руках может пробить череп, сломать конечность или снять лоскут кожи вместе с мясом.

– Дай-ка угадаю – а руки у этого Айвра очень даже умелые?

– Он бывший гладиатор. Завоевал свободу, став чемпионом на одной из арен Орхамаса.

– Так, возможно, он даже и родом не с Аксиса?

– Этого я не выяснил. Но даже если и так – что тебя удивляет? Из бывших рабов получаются самые жестокие хозяева.

– Да уж…

– И что, ты всё ещё хочешь познакомиться с этим славным парнем поближе?

– Идём уже, – поморщился я. – В любом случае, я собирался взглянуть на замок.

Очертания Крысиного замка уже вырисовывались впереди. За каменным мостом, переброшенным через пропасть шириной метров в пятьдесят, высилась скала с плоской верхушкой, сплошь огороженной высокими крепостными стенами, из-за которых выглядывали шпили нескольких башен. Сама скала была неровной, изъеденной множеством каверн, причем часть из них, похоже, тоже была обитаемой – даже издалека можно было различить что-то вроде балконов и даже внешних галерей, соединяющих входы в некоторые пещеры.

Перед въездом на мост высились укрепления, похожие на стенки воронки, повернутой горловиной от замка. В узкой её части всех подъезжающих ждала вооруженная до зубов стража. И это не считая тех, что дежурили на стрелковых башнях. Повозки внутрь, похоже, уже почти не пускали, по мосту шли в основном пешие.

Чем ближе мы подходили к этому блок-посту, тем меньше мне хотелось туда соваться. Я вспомнил слова Акаманта о том, что гракхи уже назначили награду за мою голову, да и Дом Ортос наверняка тоже ведёт за мной охоту, пусть и неофициально. И кто знает, насколько точны их ориентировки по поводу моей внешности.

Кстати, с помощью амальгамы вполне реально изменить и черты лица. Мне уже несколько раз приходила в голову эта мысль, но я её пока отвергал. К серьёзной и необратимой смене внешности я пока точно не был готов. Да и, к тому же, как я потом появлюсь перед Лиской? Она меня попросту не узнает.

– Может, разделимся? – предложил я Энки. – Не хочу светиться перед стражниками. Лучше проскользну мост через изнанку. Как думаешь, сможешь миновать охрану в одиночку?

– За меня не беспокойся.

– Хорошо. Тогда встретимся внутри.

Уйти на изнанку – дело нехитрое. Куда сложнее было выбрать место, где это сделать. Не будешь же вытворять такие фокусы у всех на виду. А пространство перед въездом на мост, как назло, осталось открытым и отлично просматривалось на добрые полсотни метров. Ближайшая к мосту стоянка каравана была разбита за невысоким каменным забором, огораживающим эту зону отчуждения. Мне пришлось сделать изрядный крюк, чтобы затесаться между стоящими впритык грузовыми фургонами и, спрятавшись под одним из них, нырнуть в серый мир.

Крысиный замок с изнанки выглядел как колоссальное облако дыма, принявшее причудливые угловатые формы. Внутри него, как личинки в полусгнившем фрукте, копошились сотни силуэтов живых существ. Искажений было на удивление мало по сравнению с тем, что я видел в Долине Багровой пасти, так что я без особых происшествий добрался до моста и миновал пост стражи.

Следующей проблемой стал поиск места для возвращения. На мосту я вынырнуть не мог – он тоже просматривался по всей длине. Так что пришлось добраться до стены, миновать ещё один пост, уже не такой многочисленный, и выйти во внутренний двор крепости. Он оказался настолько многолюдным, что с изнанки выглядел как котел, заполненный бурлящим варевом.

Вынырнул я, предварительно забравшись под одну из повозок. Распрямляясь, больно ударился затылком о торчащую из днища деталь, а потом нос к носу столкнулся с дородной тёткой, разразившейся на меня длинной ругательной тирадой. Впрочем, стычка эта осталась незамеченной, поскольку вокруг стоял такой гвалт, что уши закладывало.

Внутренний двор крепости был метров триста в ширину и чуть больше в длину, и в обычной ситуации явно предназначался для сквозного проезда транспорта от пасти к южному мосту. На этом направлении даже пешеходные переходы между башнями замка были прокинуты на высоте метров четырех над землей, чтобы не мешать проезду. Но сейчас всё свободное пространство было забито повозками, палатками, наспех сооруженными прилавками – всё то же самое, что и на тракте, только ещё более скученно. Караванщики сидели друг у друга чуть ли не на головах, да и все внутренние помещения замка наверняка были забиты под завязку.

Относительно свободным было только возвышение в центре, представляющее собой каменный помост с несколькими толстыми столбами в центре. Этакое многофункциональное лобное место. Сейчас оно использовалось для аукциона – темнокожий тип в яркой одежде и с выкрашенными в рыжий цвет волосами, используя какое-то звукоусиливающее устройство, выкрикивал ставки, азартно указывая на людей в плотной толпе, окружавшей помост.

Я подошёл ближе, встал чуть позади основной массы зевак, неторопливо окидывая их взглядом – будто сканируя. Интерфейс амальгамы последовательно выдергивал из этой плотной людской массы контуры отдельных людей, их лица, какие-то другие важные детали – например, оружие.

– Триста пятьдесят пять таланов! Кто даст больше?! – надрывался аукционист. – Ну же, посмотрите только на это сокровище! Отличный скакун! Вы поглядите на эту мощь!

Он указал на взвившуюся на дыбы полосатую лошадь с жесткой и торчащей, как ирокез у панка, гривой. Помощники с трудом удержали её за узду, один из них едва успел отпрыгнуть, когда животное снова опустилось на все четыре ноги, гулко ударив копытами в камень. Скакун был не то плохо объезжен, не то просто испугался толпы. Скорее первое – выглядел он совершенно диким, а амальгамные линзы и моё второе зрение быстро обнаружили влияние игниса. Скорее всего, зверюга была поймана где-то в пустошах, и это был тот случай, когда игнис значительно усилил мутанта, но при этом сохранил его рассудок.

– Что?! Кто-то сказал триста восемьдесят? О, да это же почтеннейший Катон, да продлит Аранос его годы! Узнаю, узнаю вашу хватку, доминус!

Неподалёку от меня поднял руку знатный арран, одетый, мягко говоря, не по погоде в плотный расшитый наряд, напоминающий боярский кафтан, ещё и с меховой оторочкой. Рядом с ним стоял ещё один высокородный, помоложе. Их прикрывали четверо дюжих телохранителей в знакомой броне ортосов, разве что не такой богатой, как у Жнецов. Да и радиумных артефактов видно не было – только компактные самострелы и холодное оружие.

Кулаки мои невольно сжались, и я отвернулся, чтобы не выдать себя. Слишком свежи в памяти были дни, когда все арраны в подобных доспехах или в черной шипастой броне гракхов воспринимались как источники смертельной опасности.

Я продолжал искоса наблюдать за богатеями. До них было всего несколько шагов, а мой улучшенный слух позволял даже сквозь шум толпы разобрать их разговор.

– Триста восемьдесят – два! Кто больше?… – аукционист подержал театральную паузу и, наконец, сдался. – И великолепный дикий скакун уходит Евандеру Катону за триста восемьдесят таланов! Поздравляю с покупкой!

– Ну вот, говорил же! – обрадовался спутник Катона. – Выгодная сделка! Если объездить эту тварь для скачек на ипподроме, она будет стоить в десять раз дороже.

– А по мне, зря я дал себя уговорить. Если Руфус спихивает такого скакуна на обычном аукционе – что-то нечисто. Да и другие не особо-то торговались…

– Думаю, ему просто негде держать эту лошадку, конюшни в замке забиты. И кормов не хватает. Да он кучу всего сегодня распродаст, чтобы освободить склады…

Дальше я не дослушал – толпа загудела сильнее, поскольку помощники аукциониста вывели на возвышение очередной лот – человека со связанными руками и лодыжками и с мешком на голове. Несмотря на путы, пленник брыкался так, что его приходилось волочь силой. При этом он каким-то чудом умудрился врезать одному из помощников коленями в пах.

– О, а это особый товар! – источая пафос, объявил рыжий. – На первый взгляд, выглядит совсем как человек. Но на деле – опасное кровожадное чудовище, наводящее ужас на добропорядочных граждан всех северных анклавов. Оно поймано прямо здесь, в замке, и по приговору коменданта будет казнено завтра в полдень. Однако приговор может быть заменен, если найдется тот, кто обеспечит этой твари более яркую смерть – на арене!

Толпа разразилась было нестройными криками, но потом притихла в ожидании – помощники как раз потащили пленника чуть ближе к краю помоста. Я расслышал, как Катон сказал своему спутнику:

– Узнаю старину Руфуса. Умудряется заработать даже на преступниках.

– Да он даже пыль в пустошах сможет продать, если захочет, – со смехом отозвался тот.

Тем временем с головы пленника сорвали мешок, и аукционист под рёв толпы объявил:

– Встречайте – великая и ужасная Потрошительница!

То, что это именно Хестия, я понял ещё во время объявления. Из одежды ей оставили лишь какие-то грубые лохмотья, сшитые будто бы из старых мешков из-под картошки. Но в фигуре и поведении угадывалось что-то знакомое.

Амбалы-помощники заломили разбойнице руки, почти приподнимая её над помостом. Та смотрела на толпу исподлобья, сквозь пелену неровно остриженных волос, падающих на лицо. Глаза её, казалось, горели изнутри от бессильной злости.

Да уж… Аксис тесен.

Глава 5

Толпа снова загудела, я расслышал несколько выкриков о том, чтобы вздёрнуть преступницу на месте немедленно. А вот желающих воспользоваться предложением аукциониста пока не нашлось.

Я не удержался и взглянул на мир вторым зрением, частично нырнув на изнанку так, что моё физическое тело оставалось на месте, а взору открылся смежный слой.

В отличие от самой Хестии, повисшей на руках палачей с заломленными назад локтями, её жутковатая призрачная спутница бесновалась, рыская из стороны и в сторону. Страшная чёрная пасть растягивалась в беззвучном крике, окровавленные по локоть когтистые лапы сжимались в тщетных попытках ухватить кого-то. При этом призрак не отлетал от дочери дальше пары шагов, будто привязанный к ней невидимыми путами.

В этих дерганых беспорядочных движениях баньши было столько надрывного, клокочущего отчаяния, что я проникся к ней некоторым сочувствием, которое пересилило даже инстинктивный страх перед потусторонним существом.

Растрепанная, размытая фигура вдруг замерла, руки её плетьми повисли вдоль туловища. Чуть повернув голову, баньши воззрилась бездонными провалами глаз в мою сторону. Это было так неожиданно, что по спине невольно пробежал холодок. Но ещё больше меня удивило то, что произошло дальше. Призрак выпростал руки вперёд, но не угрожающе, а ладонями вверх, в жалобном умоляющем жесте. Он будто бы тянулся к чему-то, чего и не надеялся коснуться.

– Хм… Занятно, занятно… – раздалось у меня над самым плечом.

Я дернулся, сбрасывая морок, и едва сдержался от того, чтобы выругаться в голос.

Энки, неизвестно когда успевший подобраться ко мне вплотную, смотрел на помост, как завороженный. Лицо его исказилось от какого-то странного азарта, схожего с возбуждением.

– Ты её видишь? – спросил я.

Демон удивлённо покосился на меня.

– И ты тоже? Впрочем, ты же какой-никакой, но Ныряльщик… Да, конечно, я вижу её. А она – меня.

– Я вижу, она тебя не на шутку заинтересовала?

– Потом расскажу. Давай лучше понаблюдаем.

Рыжеволосый тем временем назначил стартовую цену в сто таланов. Но это не особо помогло – он до сих пор не получил даже первой заявки.

– Ну же! Неужели среди нас нет ни одного ланисты? Потрошительница может стать отличным вложением. Она свирепа в бою, как пустынная кошка!

– Ага, и возни с ней столько же! – насмешливо выкрикнул кто-то из богатеев.

– Все затраты окупятся! Тем более что сейчас есть шанс урвать этот лот по смехотворно низкой цене. О, кажется, я вижу прославленного Айвра Волкобоя! Не заинтересовало ли вас мое предложение, доминус?

Я насторожился, вытягивая шею и пытаясь поверх голов в толпе разглядеть, к кому он обращается. Самого Волкобоя увидеть не удалось, но я засек бронированный фургон, медленно движущийся чуть в стороне от лобного места. Похоже, тот самый «гроб на колёсах», о котором рассказывал Шаль. И ехал он, судя по траектории, в сторону самой большой башни замка, располагающейся у дальней от меня стены.

Фургон даже не замедлил движения, а аукционист, с трудом сдерживая разочарование, проговорил:

– Ну, что ж, если желающих нет – то преступница снова возвращается в камеру! Предложение о выкупе действует до завтрашнего утра!

Хестию оттащили назад, снова натянув ей на голову мешок. Я уже потихоньку пробирался сквозь толпу в сторону удаляющегося фургона Волкобоя, стараясь не упустить его из виду. Энки следовал за мной.

Мы прошли буквально за спинами телохранителей Катона, и я успел расслышать их перепалку с молодым спутником.

– Но это же не простая воровка. Это Потрошительница! Про неё молва ходит по всем анклавам!

– И что с того? Я слышал, её даже после суда в Хамунде умудрились выкупить. А тут – Крысиный замок. Законы здесь почти не действуют.

– Надеюсь, её всё же казнят завтра. Когда-то же она должна получить по заслугам!

– Если это вообще она. Руфус мог и соврать, чтобы набить цену.

Мы с Энки выбрались из плотного кольца людей, окружавших помост, и двинулись вслед за фургоном Волкобоя. Близко, впрочем, не подходили, держались метрах в двадцати. Шаль не преувеличивал – охраны рядом с повозкой было столько, что никто физически не смог бы подойти к ней вплотную. Десятка три вооруженных до зубов бойцов прикрывали её со всех сторон, бесцеремонно разгоняя зевак.

Причём, похоже, едва ли треть из них была людьми работорговца. Остальные – явно солдаты Великого Дома Гракх. По крайней мере, если судить по экипировке.

Волкобой работает на гракхов? Или конкретно этот груз связан с их Домом?

Мы остановились, укрывшись за боковой стенкой одной из бесчисленных торговых палаток, разбитых прямо на брусчатке внутреннего двора. Отсюда всё еще можно было видеть фургон, уже подкативший к главной башне. Его хозяин о чём-то переговаривался со стражниками.

– Так что по поводу призрака? – спросил я Энки. – Что это вообще за тварь?

– А сам как думаешь?

– Есть у меня одна версия. Эта разбойница мне знакома. И она рассказывала жуткую историю о том, что в детстве её мать насиловали и убили у неё на глазах. Скорее всего, этот призрак – дух матери, которая теперь оберегает её. А заодно и вселяет ей ненависть к людям.

– Для того, чтобы возненавидеть себе подобных, необязательно иметь за спиной злого духа, – пожал плечами демон. – Но в остальном похоже на правду. Это действительно неупокоенная душа, застрявшая на изнанке и привязанная к душе живой.

– Ты уже сталкивался с подобным?

– Такое редко, но бывает. Чаще всего души, по каким-то причинам вырвавшиеся из круговорота инкарнаций, просто теряются на изнанке. Они обречены на вечные скитания. Постепенно они вырождаются и лишаются возможности влиться обратно в круговорот. Если им даже и удаётся вырваться в миры смертных – то только как чудовищам.

– Незавидная судьба, – пробормотал я.

Так вот, наверное, откуда все эти поверья о призраках, полтергейстах, бесах, вселяющихся в людей. Подобные сущности могут проявлять себя по-разному, но природа у них одна.

– О да. Вы боитесь смерти. Но есть участь куда страшнее.

– И этот призрак тебя явно заинтересовал. Почему?

– Пока рано что-то утверждать… – уклончиво ответил Энки. – Надо подобраться поближе к этой твоей знакомой. Возможно, она будет нам полезной.

– Я и сам об этом думал, – признался я. – Мы какое-то время действовали вместе – там, в Пасти…

– Думаешь и её вызволить из плена? Тогда жаль, что у нас не было сотни таланов серебром. Могли бы обойтись малой кровью.

– Да уж… – проворчал я.

К Хестии я не питал теплых чувств. Да, мы какое-то время действовали сообща, объединенные Домом Мэй. Но я был далёк от того, чтобы считать её своей соратницей. Та душещипательная история о её детстве ничего не меняет. Даже если она правдива. Вряд ли прозвище Потрошительница Хестия получила за работу на рыбном рынке. Она убийца, разбойница, воровка. И к тому же явно не совсем здорова психически. Тяжелое детство – слабое оправдание для этого. Так же, как и в случае с любым другим маньяком.

Впрочем, она могла бы пролить свет на события последних дней. Где караван, с которым мы следовали? Где Харул и остальные люди Дома Мэй? В конце концов, как она умудрилась попасться местной страже?

Фургон тем временем загнали в отворившиеся ворота башни. Большинство сопровождающих тоже скрылись внутри. Скорее всего, там какие-то хорошо охраняемые склады. Очень уж много стражников вокруг – у каждого входа, и на открытой галерее, опоясывающей здание на высоте примерно третьего этажа. А уж сколько их там внутри…

К этой же башне помощники аукциониста в сопровождении двух стражников подтащили и Хестию – только к малым воротам, располагающимся чуть в стороне. Путь им преградила одинокая фигура в плаще, на которую амальгама отреагировала тревожным сигналом.

Жнец!

Амальгамные линзы очертили фигуру незнакомца, высветили спрятанную под мешковатым плащом броню, а потом и приблизили его лицо – будто колёсико бинокля подкрутили.

Регина. Доспехи не те, что были на ней в Пасти, но очень похожие, тоже явно работы древних. Сложные сегментированные пластины запаковывают её фигуру от пяток до макушки в сплошной высокотехнологичный панцирь. По сравнению с грубоватыми кирасами местных стражников – просто небо и земля.

Принцесса Дома Ортос явно была чем-то недовольна – она гневно расспрашивала о чём-то стражника, потом сорвала мешок с головы Хестии и попыталась чего-то добиться от неё. Но разбойница лишь плюнула в неё и зло расхохоталась.

На таком расстоянии не было слышно, о чём спор, а подбираться ближе я не рискнул. Наоборот, отступил глубже, к самой стене, и нырнул на изнанку. Если уж я засек Регину – то и она меня может. Система распознавания «свой-чужой» здесь уже не работает так, как в Пасти, но даже в мирное время носители амальгамы могут выявить друг друга в толпе.

Попадаться на глаза Регине или любому другому Жнецу пока не входило в мои планы. Особенно в таком людном месте.

Зар-раза! Я надеялся, что она успела покинуть замок. Когда там у неё была стычка с людьми Векса? Четыре дня назад? Тогда что она здесь делает до сих пор?

Дело шло к ночи, небо уже потемнело так, что среди росчерков облаков стали пробиваться самые яркие звёзды. Во дворе замка один за другим зажигались светильники самого разного вида – от банальных факелов до радиумных фонарей, представляющих собой сетчатые конструкции с продолговатыми светящимися кристаллами внутри. Солнце, может, ещё и не зашло, но за стенами замка его уже не было видно.

Но наступающая темнота нам с Энки будет только на руку.

Оставшись в одиночестве, демон какое-то время покрутился на месте, а потом, как ни в чем не бывало, зашагал в сторону другой башни. Я последовал за ним на изнанке, попутно поглядывая и за Региной.

Хестию уволокли куда-то в казематы. Жница же не последовала за стражниками, а ушла дальше, к лестнице, ведущей на крепостную стену. Когда она отдалилась еще на десяток-другой метров и постепенно скрылась из вида, я немного обогнал Энки и вынырнул с изнанки, снова использовав в качестве маскировки одну из повозок.

Получилось не особо удачно – спугнул дремавшего под ней пса, и тот разразился хриплым низким лаем. Тут же, откуда ни возьмись, возник какой-то крикливый торгаш – похоже,

хозяин груза. От него удалось отвязаться одной короткой грубой фразой, а вот пёс ещё долго не унимался и преследовал меня шагов десять, раздираемый противоречивыми чувствами – то рвался вперёд, норовя куснуть за лодыжку, то отскакивал, переходя с лая на визг. Но стоило ему увидеть Энки, как всё кончилось трусливо поджатым хвостом и бегством обратно под телегу. Я уже не в первый раз замечал, что животные отчётливо чуют природу Энки и обходят его стороной.

– Куда пропадал? – невозмутимо поинтересовался демон, чуть замедляя шаг.

Дальше мы пошли бок о бок, переговариваясь вполголоса.

– Да так… Там, рядом с той башней, увидел ещё одну знакомую. Вот с ней я встречаться пока не хочу. Это дочка главы Дома Ортос.

– Хм… Одна? Без охраны?

– Кстати, да. И это странно. Хотя, может, и папаша где-то неподалёку. Ты-то куда собрался?

Энки молча указал мне на вывеску, висящую над входом в угловую башню, сливающуюся с внешней крепостной стеной. В пятне света от фонаря на ней можно было разглядеть довольно искусно нарисованного костяного дракона, сжимающего в одной лапе кружку с шапкой пены над ней, а в другой – раскрытый мешок с сыплющимися из него монетами. Под ногами дракона лежали несколько игральных костей вполне земного вида, разве что некоторые знаки на гранях были необычными.

– Таверна? Что ж, хорошая идея. Может, выведаем свежие сплетни, узнаем вообще, чем замок дышит.

– А ещё там кормят. И, надеюсь, чем-то вкусным.

– Для бывшего бессмертного ты что-то часто вспоминаешь о таких приземлённых вещах, – заметил я.

У меня у самого, впрочем, при упоминании о еде тоже заурчал желудок. Амальгама обычно притупляла чувства голода и жажды, чтобы не отвлекали. Но это не значило, что базовые потребности для меня уже неактуальны. Даже наоборот – активная перестройка организма требует дополнительных питательных веществ, и Ама регулярно напоминала об этом.

– Считай это моей маленькой слабостью, – признался Энки. – Я и раньше не был чужд некоторых удовольствий, присущих смертным. Хорошее вино, женские объятья, сладкий дурман опия, обволакивающий разум… Чтобы понимать смертных – полезно иногда вставать на их место.

– А сейчас?

– А сейчас, увы, это не просто моя прихоть, а необходимость, – поморщился он, поглаживая живот. – Эта оболочка постоянно чего-то требует. Еды, питья, отдыха. Как же это неудобно!

– Добро пожаловать в наш мир, – усмехнулся я.

– А ещё эти… конечности, – проворчал Энки, с недовольством бросая взгляд на носки своих сапог. – Как вообще можно балансировать на такой хрупкой стопе? Я уже все пальцы себе стёр!

– Скорее всего, это из-за обуви, – предположил я, скептически взглянув на его сапоги. – Каблуки выглядят странновато.

– Да? Возможно. Я воспроизвел лишь внешний вид этих штук, но никогда прежде не разбирался подробно, как они устроены.

Мы обогнули группку изрядно подвыпивших арранов, только что вышедших из таверны, и я придержал Энки. До входа в заведение оставался десяток шагов.

Я спросил полушёпотом:

– Слушай, ну если уж ты можешь так… вольно обращаться со своим обликом, то, может, пойдёшь чуть дальше?

– О чём ты?

– Наколдуй нам денег, в конце концов! Вино ведь ты выуживаешь прямо из воздуха.

– Не из воздуха, – поправил меня демон, наставительно подняв указательный палец с блеснувшим на нём перстнем. – Я беру его в винном погребе, пожизненный доступ к которому получил в рамках одной из своих сделок. Это было давно, я уже толком не помню имя смертного, что завещал мне это богатство. Но пользуюсь этим даром до сих пор. Это уникальная коллекция из двадцати тысяч бутылок, больше сорока самых изысканных сортов… Впрочем, истощается она куда быстрее, чем я ожидал.

– Пить надо меньше, – буркнул я. – Но так что насчет монет?

– Ну, кое-что я, конечно, могу сделать… – неохотно признал он.

– Так чего же мы тогда мучаемся до сих пор?

– Видишь ли, есть некоторые тонкости… Я могу создать монеты, но они будут ненастоящие. Иллюзия. И она довольно быстро развеется, стоит мне только выпустить её из виду. Мои силы сейчас очень ограничены…

– Насколько быстро?

– Если мы попытаемся что-то купить на такую иллюзию, то, боюсь, не успеем даже отойти дальше нескольких шагов. Так что рисковать не стоит…

– Понятно. Хотя… Пожалуй, можно и рискнуть, – сказал я, не сводя глаз с вывески. – А как ты относишься к играм в кости?

Энки перехватил направление моего взгляда, и на лице его заиграла понимающая усмешка.

– Алчность и азарт… – пробормотал он, поглаживая бородку. – Смертные так падки до этого.

Он оглянулся и, отойдя чуть в сторону, наклонился, собирая что-то с земли. В сумерках плохо было видно, что это, но, кажется, не то камешки, не то черепки от разбитой глиняной чашки. Он рассовал находки по карманам и, вернувшись, широким жестом пригласил меня проследовать в заведение.

– Что ж, посмотрим, не потерял ли я хватку, – широко улыбнулся он.

Его очки вдруг на мгновение вспыхнули – в них, как в круглых черных зеркалах, отразилось пламя горящих факелов.

Глава 6

Заведение называлось «Старые кости». Это отсылало и к костяному дракону с вывески, и сочеталось с деталями интерьера. Костей и черепов внутри и правда оказалось много – на стенах, в мебели, даже вместо балясин на перилах лестницы, ведущей на второй этаж, и галереи, нависающей над основным залом.

По большей части это были крупные окаменелые мослы, похожие на останки динозавров. А люстры, свисающие на цепях с потолка и освещающие сразу оба этажа заведения, были сооружены из огромных разлапистых рогов, смахивающих на лосиные. Причем горели там радиумные кристаллы, что выглядело какой-то дикой смесью. Всё равно, что встретить типичного американского индейца из романов Купера, но при этом плечи лука у него сработаны из композитных лыж, на шее – ожерелье из осколков микросхем, а томагавк выточен из обломка самолетного крыла. Какое-то неоварварство.

Впрочем, в крепостях Дозора я подобного уже насмотрелся. Похоже, в этом весь Аксис. Взболтать, а не смешивать.

Нижний этаж, за исключением дальнего угла, где горел огромный очаг, был полностью отдан под обеденный зал. Столы были расставлены почти вплотную, оставались лишь узкие проходы для подавальщиц. Свободных мест, кажется, не было вовсе – посетители теснились на лавках, сидя вплотную друг к другу, а столешницы были так загромождены посудой, что порой приходилось выставлять новые тарелки вторым слоем. Гвалт стоял невообразимый, хотя никаких потасовок видно не было. Просто людей было много, да ещё и со второго этажа доносились звуки музыки. Кажется, там играл целый оркестр – можно было различить и струнные, и духовые, и барабанный ритм. Причем мелодия была довольно задорной, по звучанию что-то схожее с кантри.

Выделялись на фоне основной толпы вышибалы. Их было больше десятка, рассредоточены по всему залу. Но больше всего их, конечно, было у входа и возле лестницы. Причем стояли они явно не для красоты.

Вскоре после того, как мы вошли, у дверей как раз возникла потасовка. В зал просочилась какая-то оборванка в мешковатом многослойном тряпье. Чудом вывернувшись из рук одного из держиморд, она рванула в зал, хватая съестное со столов и запихивая в рот кусок за куском. Что-то глотала сразу, давясь, почти не пережевывая, что-то торопливо пихала куда-то за пазуху.

Продолжалось её везение недолго – один из вышибал успел подставить её подножку. Ещё мгновение – и он уже волок её за шкирку к выходу, будто нашкодившую собачонку. Оборванка брыкалась, выкрикивая бессвязные проклятья. Из-под задравшихся рукавов одежды были видны её руки, сплошь покрытые какими-то багровыми полосами – не то царапинами, не то метками Красной порчи.

– Всё равно вы все сдохнете! – орала она, то и дело срываясь на безумный хохот. – Слепцы! Рахамман уже идёт! Вы все угодили в капкан, как крысы!

Даже когда её уже вышвырнули за дверь, снаружи ещё доносились обрывки фраз – что-то в том же духе, вперемешку с ругательствами.

Нас охрана тоже смерила изучающим взглядом, но тут на передний план снова вышел Энки. Торговать лицом у него получалось не в пример лучше, чем у меня.

– Не обращайте внимания, доминус, – сказал ему обритый наголо амбал. – Какая-то спятившая попрошайка. Как они только пробираются в замок…

– Да уж, неприглядное зрелище… – поморщился демон.

– Чего желаете? Отужинать? С местами сейчас туго, сами видите.

– Вижу. Впрочем, мне бы и не хотелось располагаться в общем зале. Слишком шумно. Но судя по вывеске, здесь можно перекинуться в кости?

– Да, но… – охранник скептично скривился. – Там, кажется, тоже всё занято. Вам надо поговорить с Келестином. Найдете его наверху, рядом с костяными дверями.

– Благодарю, друг мой, – похлопал его по плечу Энки и начал подниматься по лестнице, небрежно бросив, указав на меня:

– Этот со мной.

Судя по виду охранника, он рассчитывал получить какую-то мзду за пропуск, но окликать демона не решился. Зато меня попробовал задержать.

– Эй! С оружием наверх нельзя.

– А ты видишь оружие?

Меч у меня был в Суме, щит висел на лямках, прикрывая спину, как черепаший панцирь. На поясе не осталось ничего, кроме небольших подсумков со всякой мелочью. А одет я был так, что даже нож было спрятать сложно.

– Просто предупреждаю, – проворчал амбал. – Наверху приличная публика. Вздумаете бузить – мигом получите под зад.

Я молча кивнул, ускоряя шаг, чтобы догнать Энки. Тот уже был наверху и даже отыскал нужную дверь. Что, впрочем, было несложно. Двери оказались костяными в буквальном смысле слова – в массивные створки из темного дерева местные умельцы вставили ажурные резные решетки, изготовленные не то из рёбер, не то из бивней какого-то крупного животного.

По обе стороны от дверей тоже стояли вышибалы, причем на вид куда более внушительные, чем внизу. Особенно по сравнению с невысоким пухлым человечком в зеленом одеянии, который выскочил нам навстречу. Костюм этот я про себя окрестил ливреей, и пошит он был из блестящей плотной ткани, казавшейся влажной. Из-за этого и сам человечек был похож на лягушку. Впрочем, неприятного впечатления он не производил, скорее был просто забавным.

– Меня зовут Келестин, я распорядитель игрового зала, – представился он, одним быстрым, но цепким взглядом окидывая нас обоих. – Чем могу быть полезен?

– Малик Тареш Энкивилад, странствующий маг и торговец редкостями, – в знак приветствия Энки небрежно коснулся пальцами полей цилиндра. – Хотелось бы немного развеяться. Здесь играют на деньги?

– Да, но смею предупредить, что наше заведение работает с большими ставками. Даже в общем зале самая мелкая монета на столе – полновесный серебряный талан. Для входа же в зону для особо важных персон потребуется внести депозит в пятьсот таланов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.